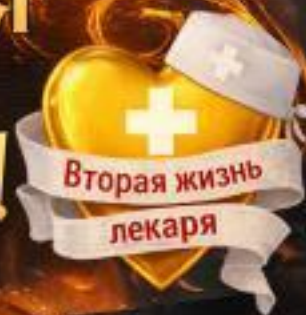

Ольга Ли

РАЗВЕДЁННАЯ
ЛЕКАРКА.
ДРАКОНУ НУЖНА!

Вторая жизнь
лекаря

Ольга Ли

**Разведённая лекарка.
Дракону нужна!**

«Литнет»

2026

Ли О.

Разведённая лекарка. Дракону нужна! / О. Ли — «Литнет», 2026

♥#НОВИНКА! ХОЗЯЙКА ДРАКОНЬЕЙ ДОЛИНЫ -Мне почти пятьдесят, и я... попала в тело молодой богатой лекарки в мире магии...Звучит как подарок судьбы? Как посмотреть: меня столкнули с лестницы! Теперь я гадаю, кто это был: муж-барон или его любовница? Вдобавок муженек с мамашей-гадюкой собираются обобрать меня! А тут еще и один наглый дракон принял меня за девицу по вызову.Терпеть не буду! Воздам всем по заслугам, заберу свое и проживу вторую жизнь счастливо!Но почему-то чёртвов дракон то и дело попадаетеся на глаза...Что ему надо? И почему так быстро бьется мое сердце?***— Милый Персиваль, сколько нам ещё скрываться?— Недолго, — муж застегнул брюки и усмехнулся: — Осталось две недели, ровно через четырнадцать дней пройдет полгода со смерти родителей Тианы, я окончательно вступлю в её наследство и тогда... — его голос картинно прервался.— И тогда? — любовница прижалась к нему.— Тогда я спокойно вышвырну её на улицу, туда, где ей и место, пусть живёт в подворотне среди сброда, который ей так нравится лечить.*** Вас ждут:Жизнь в средневековой глубинкеСильная героиняВластный дракон, который защитит нашу попаданку от всего на светеПротивостояние характеровОт ненависти до любви (с кем поймёте)Бытовая романтика лекаря на войнеИстинная параВсем врагам по щамНеизбежный ХЭ***Однотомник, самостоятельная история.*** История написана для Литмоба "Вторая жизнь лекаря", все истории здесь:

© Ли О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Катись к своей Кате!	5
Глава 2. Богатые тоже плачут	8
МудЖ	14
Глава 3. Дракон и куртизанка	16
Он действительно хорош, она действительно красотка)	23
Глава 4. Загадочная леди	28
Глава 5. Больше терпеть не буду	36
Глава 6. К мужу есть вопросы	43
Глава 7. Неожиданный спаситель	51
Глава 8. В пути	57
Глава 9. Лекарка в бою	61
Глава 10. Под моей защитой	67
Глава 11. Жизнь в гарнизоне	75
Глава 12. Стычка	80
12. Продолжение	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1. Катись к своей Кате!

Наташа

Февральский ветер бьёт в лицо, но я улыбаюсь. Впервые за двадцать восемь лет брака иду домой и никто меня не ждёт с извечным вопросом: «Что на ужин?» Никто не спросит, почему я так поздно и купила ли пива.

В сорок девять лет в мою жизнь пришла свобода. Она с привкусом каберне и Маринкиных сигарет и отдаёт горечью, но...

— Ты справишься, как всегда. Ты сильная, Наташ, просто связалась с мудаком, — сказала подруга на прощание, после того как я то плакала, то злилась на её маленькой кухне, рассказывая вещи, о которых было стыдно говорить раньше. Но сегодня, за две недели до развода плотину прорвало.

И это правда, по-другому то, что случилось с моим терпением, не назовёшь. Двадцать восемь лет я тащила на себе всё: дом, детей и работу в больнице. Вторая смена начиналась после: щи-борщи, дача, засолка, уроки, больничные, уход за больной свекровью. В ковид — дежурства по две смены подряд, засыпала на ходу, пока Слава лежал на диване в своём «неоплачиваемом отпуске» и листал сайты знакомств. Я, значит, в красной зоне людей с того света вытаскиваю, после рабочей смены несусь домой, чтобы котлет пожарить, а он...

А он нашёл свою Катеньку.

Уж пять лет как, оказывается. Целых пять лет он мне изменял, пока я исправно готовила первое-второе и гладила рубашки.

Могла бы защитить диссертацию, пройти те курсы повышения квалификации, на которые и деньги уже отложила, могла бы перейти в другую больницу в облцентре, и ездила бы туда с удовольствием, если бы муж согласился взять на себя часть домашних дел и не требовал разносолов каждый день.

«Хватит, — обрываю себя. — Всё, не кори себя, это в прошлом».

Мне сорок девять, скоро юбилей, круглая дата. До пенсии тринадцать лет. Дети выросли, воспитала их достойными людьми. Артём живёт в Москве, в банке работает, айтишник, сам устроился. Маша за границу учиться уехала, с первого раза поступила, даже стипендию платят, ухажёр у неё иностранный, серьёзный. А я... я наконец-то поживу для себя. Курсы повышения квалификации пройду, на Камчатку съезжу, с парашютом прыгну, как всегда мечтала. Может, собаку заведу, теперь никто не скажет: «Фу, зачем нам дома грязь и запах псины».

«Есть жизнь после пятидесяти, и после развода тоже», — поднимаюсь на третий этаж, проворачиваю ключ в замке и замираю: свет в прихожей горит.

«Я же выключала», — сердце нехорошо ёкает, но я вытаскиваю ключ и вхожу.

Мой бывший муж, хотя официально ещё не бывший: суд через две недели, роется в комод и швыряет мои вещи на пол. Документы, фотографии, какие-то квитки, бумаги...

— Что ты тут делаешь? — внутри вскипают ярость и чувство несправедливости.

Он оборачивается. «Выглядит хуже», — с каким-то удовольствием отмечаю я. Обрюзгший, неухоженный, в растянутом свитере. Двадцать восемь лет я просыпалась рядом с этим человеком, улыбалась, готовила завтраки, провожала на работу, заботилась и верила, что мы семья, думала, вместе встретим старость.

Теперь не думаю, как бабка отшептала.

— Наташ, надо поговорить, — Слава неприятно шмыгает носом.

— Иди к своей Кате, — прохожу мимо него на кухню, стараясь не смотреть на разбросанные вещи. — Поговоришь с ней. А в моих вещах рыться не надо, что ты тут забыл?

— Всё изменилось, Катя беременна.

Останавливаюсь, в сердце бухает горечь разочарования и погибает последняя затаённая надежда, что «может быть всё наладится».

Медленно поворачиваюсь:

— Поздравляю. И что?

— И меня не устраивает, что ты заберёшь полквартиры! — почему-то командирским тоном говорит со мной изменник.

Несколько секунд я просто смотрю на него, на это лицо, которое когда-то любила, на глаза, в которых сейчас только жадность и злость.

— Тебя не устраивает? — во мне бушует торнадо, но говорю я пока что спокойно, профессионально, я всё же врач, взрослая образованная женщина.

— Давай договоримся без судов, по-хорошему... — Слава снова мерзко шмыгает носом.

— Во-первых, тебе надо высморкаться, — всё же делаю замечание. — А во-вторых, я ни о чём договариваться не буду и заберу не полквартиры, а больше, у нас двое детей, если ты ещё помнишь об их существовании, да и купили мы её на деньги от продажи дома моей бабушки.

— Наташ... — Слава повышает голос.

— А насчёт не устраивает... — не даю ему договорить, — Это меня двадцать восемь лет не устраивало! — голос срывается, но мне плевать. — Что я стираю, готовлю, воспитываю детей одна! Что я пашу в две смены, пока ты лежишь на диване! Что я могла бы стать кем-то бóльшим, вырасти как специалист, если бы ты хоть раз мне помог, поддержал! Хоть раз, Слава!

— Не кипятись... — его глаза начинают бегать по сторонам, словно избегая меня.

— Не смей говорить мне, что делать! — я уже кричу, и мне всё равно, что уже поздно и слышат соседи. — Много лет ты мне говорил, что делать! Хватит! Мы поговорим в суде, решим вопросы там! А сейчас пошёл вон, к своей шаболде!

Его лицо перекашивается:

— Ты мне про Катю так не говори!

Он делает шаг вперёд — и толкает меня, сильно, зло, в грудь.

Я отлетаю к стене, ударяюсь спиной — и вдруг понимаю, что не могу вдохнуть.

Боль, страшная, разрывающая, давит изнутри, будто кто-то сжал сердце в кулаке и выкручивает. Ноги подкашиваются, я сползаю по стене на ламинат с лужицами от подтаявшего снега, хватаю ртом воздух, чувствую, как потеют ладони, волна острой боли прокатывается влево до запястья.

«Инфаркт, — понимаю отстранённо. — Острый. Нужна скорая, и срочно».

— Слава... — язык не слушается, едва ворочается. — Скорую вызови... Пожалуйста... у меня... инфаркт.

Он стоит надо мной, смотрит сверху вниз.

Сердце бьётся неправильно — слишком быстро, боль будто проходит, но лишь на секунды, а потом снова начинается.

— Помоги... — я тяну к нему руку, но он не двигается, не достаёт телефон, не звонит в скорую.

— И квартиру делить не придётся, — говорит он безжалостно, чуть склонив голову и наблюдая, как я ловлю губами воздух, которого так мало, всё меньше и меньше...

Потолок плывёт. Лампа в коридоре — та самая, где один плафон перегорел ещё на прошлой неделе, я всё собиралась заменить — качается и едет куда-то вбок.

«Не успею, — проносится в угасающем сознании. — Камчатка, парашют, Машкина свадьба, внуки... И вот так? На полу в прихожей, под взглядом человека, которому я всю жизнь варила борщи? Он же даже скорую не пытается вызвать, просто смотрит, как я умираю, и думает о квартире...»

И я закрываю глаза.

...А потом прямо в лицо бьёт свет. Откуда ни возьмись появляются блики старомодных хрустальных люстр с горящими свечами, шум голосов, музыка, приторный запах духов и воска...

А чьи-то руки, чужие, незнакомые, поддерживают мою голову.

— Тиана! Милая, как же ты так упала? Очнись! — заботливо говорит кто-то и надо мной склоняется мужчина.

Чужой, незнакомый мне брюнет, привлекательный, холёный с холодными глазами, что так не вяжутся с обманчиво-заботливым тоном.

Рядом стоит старик в чёрном с непонятным старомодным саквояжем в руках.

— Чудо, — бормочет он. — Мне показалось, баронесса Мидден на мгновение перестала дышать...

«Баронесса?.. Вот это бред! Реанимация? Галлюцинации от гипоксии? — лихорадочно перебираю варианты. — При клинической смерти бывают видения, яркий свет, странные образы... Но почему так чётко? Почему я чувствую запах воска и духов? Почему слышу музыку?»

— Она крепкая, — усмехается брюнет с усиками. — Не смотрите, что знатная леди, это благодаря мне титул у неё. А мать её из крестьянского рода была, так и пыхала здоровьем, столько детей народила, ух и утроба была! Жаль только, что Тиана не так плодородна и никак не понесёт от меня...

«Тиана? Леди Мидден? Понесёт? Меня Слава в дурку, что ли, упёк?»

Хочу открыть рот и возразить, но из горла вырывается лишь сиплый выдох. А потом я опускаю взгляд — и вижу руки... не мои со слегка полноватыми пальцами и старым детским шрамом на большом пальце правой руки, нет, а молодые, тонкие, бледные руки с миндалевидными короткими ногтями. На безымянном пальце правой руки сияет перстень с большим голубым камнем и... никакого шрама.

Я сажусь на неудобную бархатную кушетку, и тело слушается меня легко, без привычной боли в пояснице, без хруста в коленях. Я двигаюсь, как в двадцать лет! «Господи, как давно я не чувствовала себя такой полной жизни и энергии!» — разглядываю мужчин, одетых в средневековые расшитые камзолы и сапоги до колен, девушек в пышных платьях со сложными причёсками и веерами, и понимаю: никакая это не психушка.

Это не только не мои руки — это не моё тело, не моё время, но и не моя жизнь.

— Хвала великому дракону, леди Мидден пришла в себя, — шепчет особенно красивая девица в жемчугах и розовом платье с глубоким декольте.

«Это и не мой мир!» — понимаю я.

— Пойдём домой, милая, карета уже ждёт, — улыбается и с показной заботой подаёт мне руку...

«... мой муж, Барон Мидден», — вспоминаю я.

А ещё вспоминаю, что он изменник похлеще Славы, который, судя по всему, не удосужился вызвать мне скорую.

«Твою ж мать...» — единственное, что приходит в голову, пока я натянута улыбаюсь и, приняв предложенную руку, иду к местному транспорту.

Тут же вспоминаю, как хозяйка тела, баронесса Тиана Мидден лишилась жизни после того, как застала мужа с той самой красивой девицей в жемчугах и розовом платье, что восхваляла великого дракона...

Глава 2. Богатые тоже плачут

Наташа

Карета покачивается на брусчатке, а я украдкой разглядываю человека напротив, волей судьбы оказавшегося моим мужем... точнее, мужем леди Тианы, в чьём теле я непонятно как оказалась.

Персиваль Мидден... Брюнет лет тридцати с внимательным взглядом хищника. По-мужски красивый, этого не отнять, но красота какая-то... скользкая, как будто с душком и бутфорским блеском.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он, и во вкрадчивом голосе ни капли искреннего беспокойства.

— Кружится голова, — я прижимаю пальцы к вискам. Не вру, голова действительно кружится, слишком много всего за последний час: смерть, новое тело, чужой мир...

— Наверное, после падения, — он делает паузу, разглядывая меня. — Как это ты умудрилась так оступиться на лестнице, милая?

Что-то в его тоне заставляет насторожиться: это «милая» звучит так неестественно, словно он бросает голодной собаке кость, а не проявляет заботу о жене. «Он смотрит... почти как Слава, который не удосужился вызвать скорую и наблюдал, как я умираю на полу в прихожей, — понимаю я, — выражение лица один в один. Мы что, тоже делим квартиру и у него какой-то шкурный интерес к совместно нажитому имуществу?»

На породистом лице лежит безучастная холодная маска, лишь в глазах тот же холодный, оценивающий интерес, как у шмыгающего носом Славы в растянутом свитере.

«Ему было бы лучше, если бы Тиана умерла», — понимаю с пугающей ясностью.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Просто запнулась, засмотрелась на... картины.

— А что ты делала на верхнем этаже? — он спрашивает небрежно, но за этим вопросом что-то стоит. И я догадываюсь что: обрывки воспоминаний так и кружат в моей голове, нужно лишь собрать их воедино.

— Дом осматривала, — изображаю слабость, прикрываю глаза. — Захотелось побыть одной, светские мероприятия меня утомляют...

«Мне нужно срочно всё вспомнить, — лихорадочно думаю я. — Всё, что знала Тиана, иначе он заподозрит неладное. Сдаётся мне, этому человеку совсем не нужно знать, что в теле его жены кто-то другой».

— Персиваль, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал слабо и устало, — я немного вздремну. Голова кружится, и такая слабость...

— Конечно, — он откидывается на спинку сиденья. — Спи, милая.

Закрываю глаза, притворяясь спящей, хотя сама судорожно пытаюсь вспомнить хоть что-то о чужой жизни.

И у меня получается... да так, что захлёстывает с головой.

Итак, теперь я Тиана Мидден, в девичестве Стокс, единственная дочь Бренда и Гретты Стокс, очень и очень состоятельной супружеской пары, которая добилась своего благосостояния и богатства сама.

Отец сколотил состояние на лесопилках во время строительного бума — четверть домов в столице построена из его леса. Долгие годы они с матерью жили лишь работой, горели делом, шли рука об руку и у них все спорилось. С возрастом они отошли от дел, перевели деньги в капитал и земли. Богатые люди, меценаты, уважаемые в своих кругах, но не знать, не голубая кровь и не... драконы, которые в этом мире по статусу гораздо выше человеческих лордов и графов, ведьм и знахарок.

При мысли о ведьмах и настоящих драконах, изрыгающих пламя и парящих высоко в небе, я, как женщина, смотревшая с детьми все фильмы о Хоббите Фродо и покупавшая дочери волшебную палочку, «как у Гермионы», едва сдерживаюсь, чтобы не издать нервный смешок, но сдерживаюсь: негоже спящей после падения с лестницы женщине хихикать в притворном сне.

Мать Тианы родила четверых детей, но все умерли маленькими: то чума, то лихорадка, то ещё какая хворь — смертность в этом мире вообще высокая.

Но на закате лет Гретта понесла снова. И родилась Тиана — последыш, долгожданное дитя. Мать часто болела, и они подолгу жили в поместье в хвойном лесу на окраине страны, где были чистый воздух, тишина, травы, которые так манили маленькую голубоглазую девчушку. Гретта даже шутила, что по слухам её покойная прабабка была ведьмой, и, может, любовь Тианы к отварам и снадобьям оттуда, из крови.

— Может, хоть у тебя целительство проснётся, — говорила она, наблюдая, как дочь перебирает сушёные травы.

Когда Тиана подросла, стало ясно: лечить людей — её призвание. Она училась у местной травницы, потом упростила родителей разрешить ей учёбу в местной академии. Те согласились: разве можно отказать единственной дочери? Особенно, когда у той глаза горят и душа рвётся к делу всей жизни.

— Мы вырастили тебя настоящим человеком, — как-то сказал отец, после того как Тиана вернулась от больного, к которому ходила вместе с местной знахаркой в качестве помощницы, и с сияющими глазами рассказала, как пареньку, у которого два дня был сильный жар стало лучше. — Ты не трутень, не избалованная вседозволенностью дочь богатых родителей, а хорошая, добрая трудолюбивая девушка. Я тобой горжусь!

— Спасибо, отец! — Тиане было неловко и приятно. — И спасибо, что позволяете учиться в академии. Я буду лучшей ученицей, обещаю. И стану хорошей лекаркой!

И Тиана сдержала своё слово: училась жадно, увлечённо, забывая обо всём на свете. Ни ухажёров, ни развлечений не существовало для пытливого ума, только книги, травы, практика в лазарете.

А потом, на последнем году обучения, её отправили на стажировку в Антас, столицу Дурана.

Там-то всё и началось.

На одном из приёмов для студентов академии к ней подошёл высокий брюнет с обворожительной улыбкой. Барон Персиваль Мидден — светский красавец, дамский угодник, гроза для сердец юных девиц.

Сначала Тиана и внимания на него не обратила, не до того было, он даже показался ей каким-то неприятным, отталкивающим, да и мысли её были о другом: девушка как раз обдумывала новый рецепт мази от ожогов. Но барона её холодная вежливость не остановила, он начал ухаживать: цветы, комплименты, случайные встречи, которые оказывались совсем не случайными...

Тиана сама не заметила, как влюбилась, впервые в жизни, безоглядно, до дрожи в коленях и трепета в груди.

Персиваль тоже был без ума от девушки, всё завертелось, да так стремительно: знакомство с его матерью, чопорной леди Розмари Мидден, визит к её родителям, сватовство...

— Мне не важен твой титул, — говорил Персиваль, глядя ей в глаза. — Точнее, его отсутствие. Я люблю тебя, Тиана. Всё остальное мелочи.

Мать была не очень довольна выбором дочери, просила подумать и подождать год, называла Персиваля светским пустопорожником, лентяем, тем, кому номинальный чин достался по наследству, но Тиану было не остановить: сердце в груди билось быстро-быстро и мысли её, прежде занятые травами и лекарскими рецептами, теперь принадлежали барону Персивалю

Миддену, так нежно целовавшему ей руки, так пламенно клявшемуся ей в вечной любви, и девушка была непреклонна. В конце концов, её упёртость победила и свадьбу одобрили, а отец дал за неё щедрое приданое и, помимо этого, назначил содержание. Не успела Тиана опомниться, как уже шла под венец. С момента знакомства до свадьбы не прошло и полугода.

Новоиспечённая жена была счастлива, боготворила мужа. Он был у неё первым и единственным мужчиной, да и какие там ухажёры, когда все мысли о травах и отварах?

Спустя полгода после свадьбы она закончила академию. Диплом лекаря с отличием — гордость, которую она несла домой, как величайшее сокровище. «Получилось! — ликовало всё внутри. — Теперь я лекарка и смогу работать официально, смогу практиковать и спасать людей, особенно в бедных кварталах, тех, кому мои лазареты не по карману».

Но радость омрачила первая ссора с мужем.

— Дорогая, — Персиваль поморщился, поглядев на её диплом и выслушав сокровенные мечты, — жене барона, баронессе Мидден не пристало работать. Ни к чему тебе это, ты теперь не купеческая дочь, а леди! К тому же твой отец назначил тебе щедрое содержание — наслаждайся жизнью.

— Но я хочу помогать людям! — возразила она.

— Ты и поможешь, — усмехнулся он. — Родишь ребёнка, создашь нового человека. Разве не такова женская доля?

— Да-да, — вторила ему свекровь, поджимая тонкие губы. — Тиана, брось эти свои простолюдинские мечты. Ты теперь леди, а леди не работают.

Тиана смолчала, она так любила мужа, что почти обожествляла его, думала, что он заботится о ней, хочет как лучше.

Но через месяц она не выдержала зуда в руках и впервые втайне от всех собрала лекарский саквояж и пошла в бедные кварталы помогать тем, у кого нет денег на лекаря. Это было единственное, в чём она посмела послушаться мужа и что скрыла от него.

С каждым месяцем отношения со свекровью становились всё хуже. Персиваль охладел, всё чаще пропадал «на работе», как она тогда думала. А леди Розмари...

— Уже год, а детей всё нет! — шипела свекровь. — Может, ты и вовсе пустоцвет? Бракованная? Зря мой сын на тебе женился!

Тиана терпела, ждала, что муж вступится за неё. Но он не вступался, молча смотрел на материнские нападки с каким-то... удовольствием.

А полгода назад погибли родители. Они ехали из загородного поместья в Антас, и на дороге на них напал лихой люд. Никого в живых не осталось: ни отца, ни матери, ни кучера, ни сопровождающего охранника. Расследование зашло в тупик: ни свидетелей, ни улики, а потом дело и вовсе закрыли.

После смерти четы Стокс Персиваль взял на себя управление землями семьи Тианы.

— Ну куда тебе? — сказал он снисходительно. — Ты лекаркой-то быть не смогла, хоть и училась. А тут... серьёзные деньги, управление землями, налоги. Ещё разоришь нас... Сейчас непростые времена, ходят слухи, что скоро снова война начнётся, недолгое это перемирие. В такие времена все дела должны быть в крепких мужских руках. А ты... старайся лучше забеременеть, милая...

И Тиана согласилась, с опухшим от слёз лицом, почти не соображая от горя, что делает, подписала документы, которые любимый муж подсунул ей спустя два дня после похорон. Впрочем, она всегда соглашалась с Перси, ведь сердце трепетало от одного лишь его взгляда.

А муж стал ещё реже бывать дома. Всё чаще от него пахло вином, а пару раз ей даже показалось, что она чувствует на его одежде чужие духи, приторно-сладкие, совсем не её.

«Придумываю себе», — подумала она и снова промолчала.

Ну а потом случился этот бал, на который Тиана не хотела идти: светские мероприятия никогда ей не нравились, утомляли, но Персиваль настоял, и послушная жена надела красивое дорогое платье с серебряной вышивкой и отправилась туда, куда не хотела.

Едва они приехали, он начал пить и весело шутить со своими приятелями, светскими кутилами, которые ей никогда не нравились. «И что он в них находит... одна манерность и пустые разговоры», — думала Тиана с какой-то брезгливостью, пока нетрезвые мужчины поглядывали на неё так, словно раздевали взглядами, но, хвала Пресветлой, ничего себе не позволяли.

Омерзительных взглядов было достаточно, чтобы понять их непотребные мысли, и не привыкшая к подобному Тиана чувствовала себя не в своей тарелке. А когда стало совсем невыносимо, она поднялась на второй этаж, где, как слышала, у хозяев дома была расположена библиотека. Девушка просто хотела посидеть в тишине, к тому же хозяин дома хвалился новой, привезённой из-за Сармисова моря книгой о редких растениях.

Библиотека оказалась прекрасной: высокие стеллажи, запах старых книг, мягкий свет не свечей, а самых настоящих магических сфер, дорогих, доступных только знати. Даже в этом доме они были не везде: маг огня не каждому по карману.

Тиана разглядывала толстые книги в кожаных обложках, безуспешно стараясь отыскать среди бесчисленных романов хоть что-то о растениях и травах. Она отошла уже в самый дальний угол, куда, судя по всему, давно никто не заглядывал — такой слой пыли лежал на книгах, и тут послышались голоса. Тиане так не хотелось ни с кем объясняться, почему она здесь одна, почему ушла от блеска лощёных щёголей и дам, что девушка не раздумывая спряталась за дальний стеллаж.

В библиотеку вошёл тот, кого она меньше всего ожидала увидеть, — Персиваль, да не один, а с леди Сиреной Бордом, младшей дочерью графа Бордома, сияющей темноволосой красавицей в жемчугах, которая так учтиво поздоровалась с Тианой в самом начале бала и чьи быстрые взгляды Тиана ловила на себе весь вечер.

Едва Перси и Сирена вошли, то сразу заперли дверь, а потом... потом стали целоваться.

Тиану будто сковало льдом. Она не могла пошевелиться, не могла вздохнуть, только смотрела, как муж задирает юбки леди Сирене, подсаживает её на стол и берёт эту чужую женщину прямо посреди библиотеки, быстро, привычно, явно не в первый раз.

— Ах, Персиваль! — стонала та. — Да, вот так...

Когда влажные шлепки и стоны закончились, Сирена как ни в чём не бывало поправила юбки и капризно протянула:

— Милый Персиваль, сколько нам ещё скрываться?

— Недолго, — Персиваль застегнул брюки и усмехнулся: — Осталось две недели, ровно через четырнадцать дней пройдёт полгода со смерти родителей Тианы, и я окончательно вступлю в её наследство и тогда... — его голос картинно прервался.

— И тогда? — любовница прижалась к нему.

— Тогда я спокойно вышвырну её на улицу, туда, где ей и место, пусть живёт в подворотне среди сброда, который ей так нравится лечить.

— А она всё ещё продолжает ходить к беднякам? — в медовом голосе светской лентяйки прозвучало лишь презрение.

— Да, и я делаю вид, что не знаю и не замечаю, всё надеюсь, может подхватит какую заразу и помрёт. Тоже мне, лекарка нашлась! — от усмешки и злобы в голосе мужа Тиане стало так дурно, что она едва смогла сдержать подступающие рыдания.

— Всё одно, — томно произнесла леди Сирена, — недолго ей быть твоей женой. Неужто думала, что за деньги неотёсанного отца и матери-крестьянки купит себе титул и мужа?

— Деревенская дура! — издал мерзкий смешок тот, кто ещё вчера ночью шептал Тиане слова любви и овладел ею дважды раз за ночь. — Разве ж есть у них мозги у этих простолюдинов?

Леди Сирена залиvistо рассмеялась, а потом поцеловала Персиваля и прошептала:

— Жду не дожусь, когда ты посватаешься...

— Мечтаю об этом, моя дорогая! Подожди немного... — и они вышли.

А Тиана осталась стоять за стеллажом ни жива ни мертва, сердце колотилось так, что казалось вот-вот выскочит из груди. В глазах потемнело, она вышла из библиотеки на негнущихся ногах. Как дошла до лестницы, не помнила. «Домой, домой, прочь отсюда из этого бедлама», — стучало у неё в голове.

Ступенька, ещё одна... На самом краю лестницы кто-то толкнул её в спину, и она полетела вниз...

— Тиана!

Голос Персиваля вырывает меня из воспоминаний и притворного сна.

— Тиана, мы приехали! — он трясёт меня за плечо.

Открываю глаза и вижу за окном кареты большой каменный дом в два этажа с колоннами и широким крыльцом. Должно быть богатый, выглядит помпезно. «Любящий супруг» выходит первым и подаёт мне руку, принимаю её, стараясь не вздрогнуть от отвращения.

«Две недели, — стучит в голове. — У меня две недели, пока он не вступит в наследство... И не он ли толкнул Тиану? Или, может, его любовница? Или есть ещё кто-то? Господи, есть ли вообще кто-то рядом с Тианой, кому можно доверять?»

Мы входим в дом, и меня окружает удушающая роскошь: массивная тёмная мебель, позолота на каждом углу, бархатные портьеры, портреты каких-то напыщенных мужчин и женщин на стенах.

«Безвкусица», — едва не морщусь я.

Навстречу выбегает служанка, приседает в поклоне, принимает мою накидку и цилиндр с головы Персиваля.

— Баронесса устала, — бросает он. — Проводи её в спальню, я посижу у камина и ещё выпью...

— Да, милорд.

Иду за девушкой по широкой лестнице, и с каждым шагом в голове всё чётче складывается картина: Тиана любила мужа, закрывала глаза на всё, терпела тычки от его матери, была покладистой тихой женой и молчала, когда нужно было кричать.

Но Тиана умерла, как и я в своём мире. Мне в прежней жизни тоже стоило бы не молчать, а требовать своё, хотя бы толику уважения для начала. Но та жизнь закончилась, и ничего уже не исправишь, а в этой... В этой я, пожалуй, закрою гештальт и раскрою рот. Не дам этому напыщенному ублюдку забрать мои деньги, земли и жизнь.

«Ну что ж, Персиваль Мидден, — думаю я, входя в спальню с бархатным балдахином, — ты не знаешь, с кем связался! Я не Тиана, я двадцать восемь лет терпела одного мудака и больше не намерена терпеть ещё одного ни секунды».

Служанка помогает мне снять платье и уходит, а я открываю резную шкатулку с именными карточками и ищу адрес господина Дженса Хардинга, семейного юриста Стоксов.

Мои дорогие!

Эту потрясающая история написана для тёплого и вдохновляющего моба

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЛЕКАРЯ

Все истории вы можете прочитать здесь

<https://litnet.com/shrt/F35E>

13 а
Попада
БОЛЕЗНИ

13 ИСТОРИЙ,

Мудж

Козли... Муджа нужно знать в лицо.
Объект нашей ненависти, девочки!
Барон Персиваль Мидден!

Глава 3. Дракон и куртизанка

Наташа

Просыпаюсь ещё до рассвета, всю ночь плохо спала, хорошо, вообще уснула после всего, что произошло со мной и Тианой. В голове никак не укладывается, что муж, человек, от которого я родила и воспитала двух детей, оказался таким подлым и низким человеком. Но ещё больше меня занимает то, что произошло с Тианой, ведь она теперь я...

Всю ночь мне снились кошмары: то Слава стоит надо мной и смотрит, как я умираю, то Персиваль с любовницей хохочут в библиотеке и обсуждают, как бы меня убить. То кто-то толкает меня в спину, и я лечу вниз по бесконечной лестнице...

«Хватит! — обрываю себя и выскальзываю из-под тяжёлого бархатного одеяла. — Нет времени на терзания и сожаления. У тебя, Наташа, всего две недели, чтобы не остаться на улице и не пойти по миру».

«И спасти свою жизнь», — подсказывает мне шестое чувство. Ведь неспроста Тиана полетела с лестницы, я точно помню, что кто-то подло толкнул её в спину.

Стараясь не шуметь, на цыпочках подхожу к гардеробу. В памяти Тианы — десятки платьев, но мне нужно что-то простое, что можно надеть самой, без служанки. Нужно пользоваться моментом и, коль встала спозаранку, и все спят, тихонько выйти из дома.

Одеться оказалось той ещё задачкой, это не брюки с рубашкой, тут и нижние юбки, и корсет, и бог весть что ещё. Но я справляюсь: нахожу светло-голубое летнее платье — пышная юбка, простая шнуровка спереди — то, что нужно! — натягиваю его прямо на голое тело, некогда возиться с этими их средневековыми нижними платьями, подштанниками и корсетами. И так сойдёт.

Шнуровка поддаётся с трудом, но я побеждаю её, пусть и не очень туго, кое-как приглаживаю волосы, нахожу туфли...

«Не забудь визитку», — достаю заветный адрес в из шкатулки на туалетном столике, мимоходом бросаю на себя взгляд: красивая юная блондинка с огромными голубыми глазами на бледном от волнения лице.

Вот и визитка Дженса Хардинга... Память Тианы ещё вчера подсказала, что этому человеку можно доверять: он вёл все дела отца, оформлял приданое, да и долгие годы работал с семьёй Стокс, был вхож в дом, дарил ей подарки, когда она была ещё нескладной девчушкой с тонкими косичками. Он наверняка войдёт в положение Тианы и подскажет, что можно предпринять, потому что законы тут сложные, путанные и не на стороне женщин. Прячу карточку в небольшую бархатную сумку через плечо, набрасываю поверх платья лёгкую накидку и выскальзываю из спальни.

В доме тихо. Где-то на кухне прислуга начинает утренние приготовления, но все остальные спят. Спускаюсь по лестнице, стараясь не скрипеть ступенями, и замираю у входа в гостиную, потому что там... Персиваль.

Муженёк так и не дошёл до спальни — храпит в кресле у погасшего камина, запрокинув голову. Рот приоткрыт, на подбородке пятно от пролитого вина, рядом на заляпанном столике — пустая бутылка и опрокинутый бокал.

«Красавец, — думаю я с отвращением. — Светский лев. Дамский угодник. Тьфу!»

Бесшумно прохожу мимо и выскальзываю за дверь.

На улице раннее утро, свежий воздух, тишина. Солнце едва показалось из-за крыш, и город ещё не проснулся.

«Так, — оглядываюсь, — и где тут у нас такси или что-то вроде того?»

Улица мощёная, дома каменные в два-три этажа с черепичными крышами и коваными балконами. Красиво, чисто, пахнет цветами из ящиков на окнах. Похоже на какой-нибудь европейский городок — Прагу или Вену.

«А тут мило, — отмечаю я. — И даже не воняет, что странно для средневековья. Впрочем, если я правильно поняла из памяти Тианы, это всё благодаря очистительной магии. В столице её хватает. В провинции, конечно, похуже — там всё, как было у нас лет триста назад».

В конце улицы замечаю местный транспорт — небольшую двуколку с лошадью и мужчиной в соломенной шляпе на козлах.

— Эй! — машу рукой. — Такс... Извозчик!

Извозчик подъезжает тотчас и услужливо опускает голову:

— Куда изволите, госпожа?

Показываю ему визитку:

— Мне нужно сюда и по возможности быстрее.

Он шурит, читает адрес, кивает:

— Улица Синих фонарей, дом двенадцать... Да это недалеко, мигом доедем, садитесь.

Забираюсь в двуколку[1], и мы трогаемся.

Город проплывает мимо: узкие улочки, каменные мостовые, вывески лавок, фонтаны на маленьких площадях — красиво! Если бы не обстоятельства, я бы даже насладились прогулкой, но сейчас в голове только одно: надо выбираться из трясины, что устроил мне Перси Мидден.

— Приехали, госпожа, — извозчик останавливается у ряда одинаковых домов. — Улица Синих фонарей.

Расплачиваюсь маленькой серебряной монеткой — спасибо памяти Тианы, хоть с деньгами разобраться помогла — и выхожу.

Дом двенадцать... Вот десятый, одиннадцатый... Все дома похожи, как близнецы: светлый камень, два этажа, синие двери, а между этими самыми домами синие кованые фонари. Видимо, отсюда и название улицы.

Прохожу мимо одного такого фонаря напрямик к дому двенадцать. На двери солидная бронзовая табличка: «Хардинг и Хардинг, деловые дела, конфиденциальность». Поднимаюсь на крыльцо, стучу в дверь. Тишина, стучу громче.

Дверь открывает тощий молодой человек в очках, видимо, клерк.

— Госпожа? — он моргает, явно не ожидая посетителей в такую рань. — Контора господина Хардинга откроется завтра, сегодня выходной, я просто дежурный, но могу записать вас на понедельник после обеда...

— Мне нужно сейчас! — говорю я твёрдо. — Это чрезвычайно срочно, если господина Хардинга здесь нет, значит, дайте мне домашний адрес.

— Но госпожа, сегодня выходной, да и господин Хардинг...

— Дайте адрес! — повторяю я тоном, которым разговаривала с интернами в больнице, когда они пытались отмазаться от дежурства. — Я баронесса Мидден...

Клерк молчит, кажется, принимает меня за сумасшедшую: какая баронесса с едва причёсанными волосами с утра пораньше и без кареты.

— ... урождённая Стокс, постоянный и важный клиент.

На лице клерка появляется уважительная, хотя нет, скорее подобострастная улыбка:

— Стокс... Да-да, конечно. Сейчас... улица Садовая, дом четыре, госпожа. Это рядом, через квартал.

— Благодарю, — оглядываюсь и понимаю, что ни одного извозчика не вижу. — А подскажите, как туда пройти?

Клерк подробно объясняет, и я быстрым шагом иду по просыпающимся улицам города.

«Не просто города, а самого большого города Дурана, столицы», — подсказывает память Тианы. Дохожу до фонтана с нимфой и поворачиваю направо. Вот и дом номер четыре. Какой-

то неухоженный, как будто в нём давно никто не жил... Да уж, не такого ожидаешь от дома респектабельного юриста, да и ладно.

Поднимаюсь на крыльцо и... вижу, что дверь приоткрыта.

«Странно, — думаю я. — Впрочем, может, у них тут так принято. Или прислуга уже встала».

Толкаю дверь и вхожу.

— Господин Хардинг? — зову негромко. — Простите за ранний визит, но у меня срочное дело...

Делаю пару шагов и замираю, потому что передо мной — не пожилой юрист в очках, которого я ожидала увидеть, передо мной мужчина, неуловимо напоминающий опасного хищника.

Он сидит в кресле у окна, в руке — чашка с чем-то дымящимся, по запаху похоже на кофе, в другой — местный аналог газеты. На нём только свободные тёмные штаны и расстёгнутая рубашка из серого льна с закатанными рукавами, открывающая... рельефный пресс и широкую грудь с тёмными волосками.

«Эти мускулистые руки явно стали такими сильными не от бумажной работы и сидения за столом целыми днями», — непроизвольно сравниваю его с лощёным светским пустоцветом Персивалем.

Мужчина поднимает голову, и я разглядываю его лицо: тёмные глаза, прямой нос, волевой подбородок с тёмной щетиной, чувственные губы. Волнистые тёмные волосы до плеч влажные, будто он только что принимал душ или ванну.

Он красив. Опасно красив.

Но не это заставляет меня оставаться на месте — от него исходит... что-то непонятное, невидимое, но оно так и витает в воздухе, я бы назвала это аурой. Весьма яркое ощущение силы и угрозы, от которого по позвоночнику прокатывается электрический разряд, а всё внутри так и шепчет: опасный, очень опасный и сильный. Он хищник!

Так, наверное, чувствует себя мышь, когда в комнате показывается кот. Мужчина поднимается из кресла одним плавным движением, двигается грациозно, словно тигр на охоте, и я понимаю, что он выше меня на целую голову. Широкие плечи загораживают свет из окна позади него.

— Ну надо же, — его голос низкий, бархатный, с нотками удивления и хрипотцой, — какую хорошенькую девицу прислали... Я и не ожидал.

Он делает шаг ко мне, и я отступаю к двери.

— Как тебя зовут, милая? — что-то в его тоне заставляет сердце колотиться — не от страха, а от чего-то другого, чему не хочу давать названия.

— Тиана, — говорю я, и голос звучит хрипло.

«Я тебе никакая не милая», — хочу сказать я, но вместо этого откашливаюсь:

— Возможно, вы меня с кем-то пу...

— И имя какое красивое, — властно перебивает он, подходя ещё ближе. — Редкое... как и ты сама.

Он оказывается совсем рядом — так близко, что я чувствую запах его кожи — что-то древесное, с нотками цитруса. Его рука поднимается, и слегка шершавые пальцы касаются моего подбородка, приподнимают лицо.

— И глаза такие чистые, невинные... — он смотрит мне прямо в глаза, и я вижу, как его зрачки вдруг меняются — вытягиваются, становятся вертикальными, а радужка вспыхивает расплавленным золотом.

«Драконьи глаза!» — откуда-то знаю я. Дыхание перехватывает от этого жидкого золота в огненном взгляде.

— Возможно, тут какая-то ошибка, — выдавливаю я, чувствуя предательскую слабость и странную тягу к этому незнакомому человеку, то есть... дракону. — Я ищу...

— Ты уже нашла, — усмехается он, и в этой усмешке что-то хищное, голодное. — Да-да, и драконы пользуются услугами куртизанок, особенно когда прибывают в столицу всего на два дня по имперским делам и не имеют времени на ухаживания. Раздевайся!

Несколько секунд я озадаченно смотрю на него, кажется, что ослышалась. А он проводит пальцами вниз от подбородка по шее.

По коже бегут мурашки, прикосновения заставляют трепетать, а потом...

А потом до меня доходит: «Он думает, что я проститутка, куртизанка, которую ему кто-то прислал!»

— Да что вы себе позволяете?! — взрываюсь я, отступая и вырывая подбородок из его пальцев. — Я никакая не ш... куртизанка! Я ищу господина Дженса Хардинга, моего семейного юриста!

Он приподнимает бровь, и его взгляд медленно скользит по мне сверху вниз. Останавливается на груди, которая, как я с ужасом понимаю, отчётливо вырисовывается под тонкой тканью летнего платья, ведь мне было недосуг надевать корсет или местное нижнее бельё.

— Поэтому ты без корсета явилась? — в его голосе насмешка. — И без белья, судя по всему?

Щёки вспыхивают огнём.

— Не ваше дело, грубиян! — выплёвываю я. — Я торопилась! У меня вопрос жизни и смерти, и мне срочно нужен господин Хардинг!

— Он живёт в четвёртом доме, дальше по улице, ты пришла в четырнадцатый! — наглый красавчик усмехается и пожимает плечами, а я замечаю, как перекачиваются мышцы под слегка смуглой кожей. — Но я заплачу тебе больше, чем он. К тому же он женат и...

— Да не блудница я! — мой голос срывается на крик. — Я леди! Леди Тиана Мидден! А вы — грубиян, хам и мужлан!

Глаза красавца снова вспыхивают золотом, но мне плевать, пусть спасибо скажет, что не услышал от меня чего покрепче! Разворачиваюсь и выхожу, с силой хлопнув дверью так, что стёкла звенят.

На крыльце сталкиваюсь с девицей, поднимающейся по ступенькам, симпатичная, ярко накрашенная, в платье с очень глубоким вырезом.

«Вот она, — понимаю я, — та самая шлюха, которую этот... дракон, чтоб его, заказывал, а принял за неё меня».

Девушка окидывает меня удивлённым взглядом, но я уже сбегая по ступенькам и иду к соседнему дому.

«Тринадцатый... Двенадцатый... Значит, я и правда по ошибке зашла в четырнадцатый, а не в четвёртый, но ведь там было чётко написано четыре... Что за неразбериха?! Так, а вот и четвёртый...»

Дом ухоженный, с геранью в горшках, на крыльце — коврик, а на двери — колокольчик.

«Ничего не понимаю...»

Но сейчас не до раздумий, и так сколько времени потратила на препирательства с этим... драконом!

Стучу. Дверь открывает пожилая служанка в аккуратном фартуке.

— Доброе утро, госпожа?

— Мне нужен господин Дженс Хардинг, — произношу я, стараясь говорить спокойно и уверенно. — Срочно! Скажите ему, что пришла леди Тиана Мидден по делу о наследстве Стоксов.

Служанка кивает и исчезает в глубине дома.

Я стою на крыльце, и сердце всё ещё колотится как бешеное. Щёки горят, руки дрожат.

«Грубиян! — думаю я. — Хам и мужлан! Дракон чёрттов! Принял меня за ночную бабочку! Меня! Врача со стажем и взрослыми детьми!»

Ещё и за лицо трогал и грудь бесстыдно разглядывал...

«Стоп! — обрываю себя. — Ты сюда не за этим пришла, ну ошиблась, и ладно. Соберись, Наталья, что расклеилась как маленькая. Тебе почти пятьдесят, не первокурсница, да и проблемы посерьёзнее, чем какой-то наглый дракон с золотыми глазами».

Дверь открывается, и на пороге появляется невысокий мужчина лет пятидесяти в очках и безупречно отглаженных брюках и рубашке.

— Леди Мидден? — он смотрит на меня с удивлением и тревогой. — Что случилось? Почему вы здесь в такую рань? И без сопровождения?

— Господин Хардинг, — говорю я, — мне нужна ваша помощь. Срочно. Речь идёт о моём наследстве, разводе и возможно даже жизни.

Он молчит секунду, потом отступает в сторону, уважительно приоткрывая дверь:

— Входите, Тиана. Берта сейчас подаст нам чай, и мы всё обсудим.

Я вхожу в дом, и за спиной закрывается дверь.

А где-то в соседнем доме за стеной дракон с золотыми глазами наверняка смеётся над «леди Тианой Мидден», которая ворвалась к нему с утра, растрёпанная и без корсета, да ещё и приняла его за юриста.

«Ничего, это была просто случайная встреча, — думаю я, входя в кабинет господина Дженса, и стараюсь унять дрожь в руках. — Где Тиана Стокс, лекарка для бедняков, которая вот-вот подаст на развод с мужем-изменником и где какой-то дракон, заказавший шлюху с утра пораньше. Вряд ли наши пути когда-нибудь пересекутся».

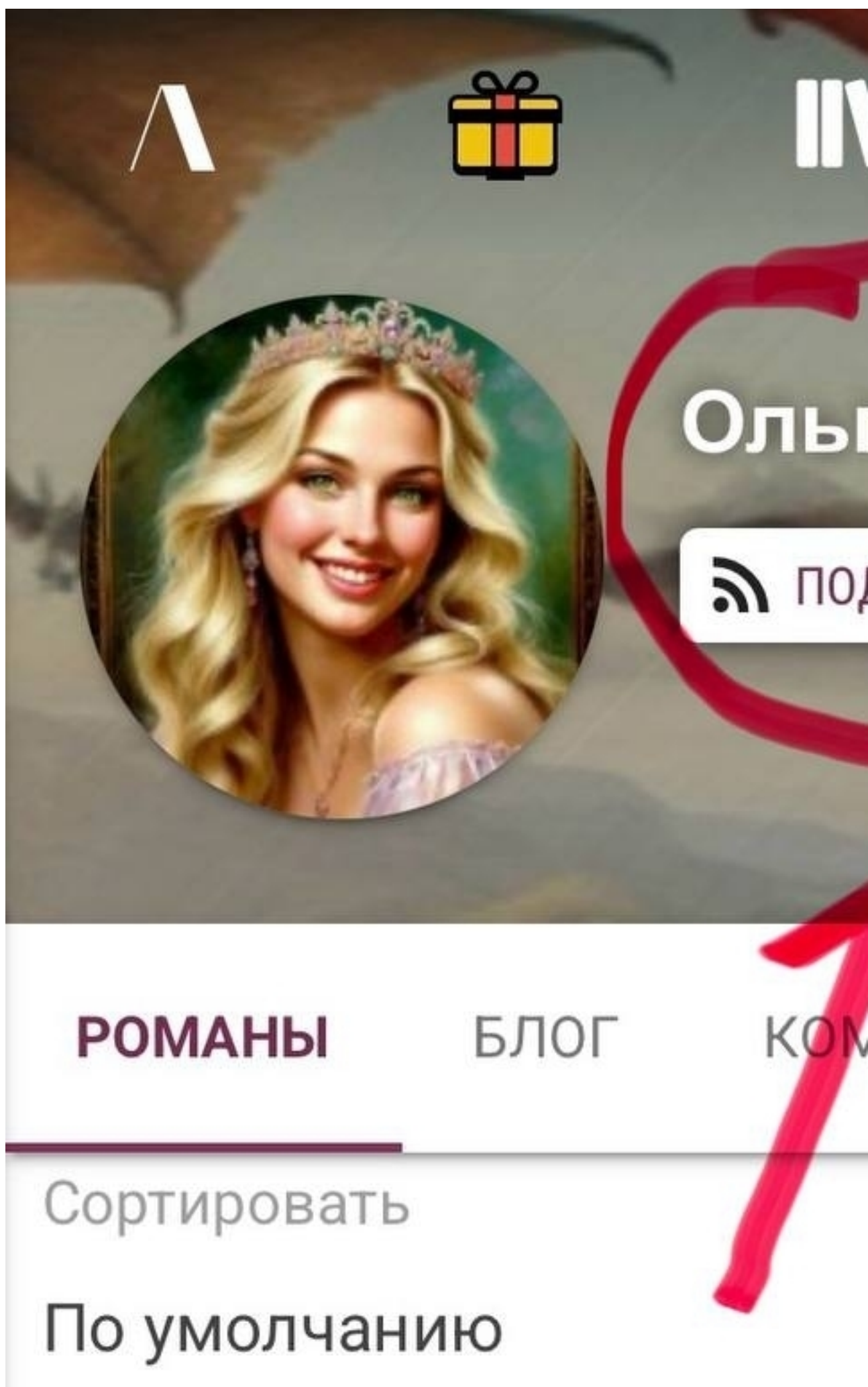
— Итак, — господин Хардинг помешивает сахар в белой изящной чашке, — что конкретно вы хотели обсудить?

Мои дорогие!

Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить мои новинки и розыгрыши, у нас с вами впереди много историй!

А сделать это можно здесь: <https://litnet.com/shrt/9dI3>

Вы перейдёте на мою страницу и просто нажмёте кнопку ПОДПИСАТЬСЯ вот как на этой картинке!

Я буду очень рада увидеть тебя в числе своих пописчиков, моя дорогая читательница!
Листаем дальше!

[1] Двуколка – двухколёсная повозка.

Как вы понимаете, мои дорогие, перед нами появился дракон. Красивый, опасный и притягательный, как и положено!

Не буду томить вас, листаем и смотрим визуалы господина дракона и нашей девочки!

Он действительно хорош, она действительно красотка)

Да-да, это тот самый несносный дракон из аннотации.

Вы всё правильно поняли!

И он действительно хорош!

Мужа видели, дракона видели, настал черёд Тианы!

Знакомимся!

Полюбовались?)

Продолжаем чтение!

Глава 4. Загадочная леди

Эйрон

Просыпаюсь, оттого что тело требует своего.

Давно у меня не было женщины, слишком давно. Гарнизонная жизнь, бесконечные дозоры, разведка на границе — не до утех. Со столичными барышнями дела иметь тоже не хочется: жениться я не готов, ухаживать ради постельной забавы не хочу. Гораздо честнее использовать для этого блудниц, с ними всё просто и понятно, не то что эти светские леди, которые так и хотят «осчастливить» тебя и стать новой леди Десмонд. Спасибо, но мне хватило интрижки с пронырливой дочерью графа Бордома в прошлом году, когда я вынужденно проторчал в столице целый месяц. Эта шлюха так и норовила не только залезть мне в штаны, но и отправиться в белом платье к алтарю Великого дракона. Мне даже пришлось ей напомнить, что не собираюсь жениться, просто получаю удовольствие, и правила наших встреч не меняются.

Впрочем, что я завёлся, ко мне скоро придёт та, что утолит мужской голод, кошель с золотом ждёт... Вчера Нэйтон затащил меня в кабаре мадам Жу с песнями, вином и танцовщицами, гибкими, полуобнажёнными, с призывными взглядами, и я наконец-то расслабился, вспомнил, что всё ещё живой мужчина, а не просто лорд-дракон Северной стрелы, самой главной приграничной крепости северного гарнизона.

— Любую можно заказать на дом, — шепнул Нэйтон, подливая мне вина. — И всё будет на высшем уровне, дружище... Ты засиделся в своём гарнизоне, женщину когда в последний раз красивую видел? У вас там одни немытые крестьянки в деревне да их неотёсанные мужья-батраки. Хоть бы лекарку какую симпатичную взял для улады глаз и члена, так нет, даже лекарь — и тот мужчина.

— Он, кстати, пьёт похлеще мужиков в деревне, убирать его надо, а вместо него кого другого найти, — вспомнил я о проблеме, которую тоже намеревался решить в эту поездку.

— Или другую, — усмехнулся старый друг, заметив, как я провожаю взглядом симпатичную танцовщицу в полупрозрачной накидке, — и желательно молоденькую и хорошенькую, — и так весело подмигнул, что я не выдержал и ухмыльнулся ему в ответ. — Ну так что, будешь девушку на дом заказывать?

Под влиянием вина и долгого воздержания я согласился.

Встаю с кровати, потягиваюсь. Мышцы приятно ноют после вчерашней тренировки, даже в столице я не пропускаю ни дня, всегда можно найти время поупражняться с мечом и размять руки. Всегда нужно быть в хорошей форме, я не городская светская размазня, получившая чин благодаря влиятельному папаше, хотя, безусловно, мог бы, драконья кровь и древний род позволяют.

Наливаю воду в лохань и смываю остатки сна и сигарного дыма кабаре с волос, поглядывая в окно. Раннее утро, улица ещё пуста, ухоженные дома с геранью в горшках... и только моё холостяцкое жилище выбивается из общей благопристойной картины. Этот дом давно требует заботы: краска на ставнях облупилась, в маленьком садике разрослись сорняки, крыльцо скрипит, вчера прямо под ноги с укоризненным скрипом упала цифра с номером дома.

«Надо бы привести в порядок, — думаю я. — А к чему?»

Я всё равно не живу здесь, у меня просто не хватило духу продать его после смерти Элены. Он был частью её приданого, истинная так любила его, да и я... поддался её уговорам и переехал сюда, в этот простой квартал, и был здесь так счастлив... От того и не смог его продать, когда решил, что мне тесно и невыносимо в столице — рука не поднялась, просто запер и оставил, а сам перебрался в казармы на севере. И теперь, когда бываю в столице по имперским делам, останавливаюсь здесь, среди пыльной мебели и призраков прошлого.

Элена...

Как странно, что по прошествии семи лет я всё ещё жив, думал, умру от горя, сердце рвалось в клочья, не хотелось ни есть, ни пить, ни жить. Казалось, я на грани, более того, я желал оказаться за этой гранью, уйти в небытие. Тоска глодала изнутри, как дикий зверь, но окончательно сожрать не смогла. Кое-как, но я пережил смерть Элены и ребёнка, которого она так и не выносила.

Сам не знаю, как мне это удалось... Может, потому что наша связь была ещё слишком молодой: мы были вместе всего пять месяцев. Может, потому что мой дракон оказался слишком сильным и упрямым. А может, меня спасла служба империи, работа, которой я обложил себя со всех сторон.

Стою напротив портрета жены и вспоминаю, как увидел Элену впервые, её медовые волосы, золотистую кожу — вся она была словно соткана из солнца. Я проходил мимо цветочного магазина, а она выходила оттуда под руку с маменькой. Тонкая фигурка так и притянула мой взгляд, я остановился, замер.

Девушка почувствовала мой взгляд, обернулась и... всё. Время перестало существовать, а между нами вспыхнули искры, настоящие, золотые, видимые глазу. И у неё на плече проступила моя метка, наш знак истинности.

Она была слабой драконицей из захудалого рода, но какая разница? Мой дракон выбрал её, и я был счастлив, всё, кроме Элены, было неважно. Уже через два дня мы разделили ложе, а через две недели — поженились, а ещё через месяц она понесла.

Как я был счастлив и горд, носил её на руках, сдувал пылинки, самолично ходил на рынок за сливами, когда ей вдруг хотелось «тех, лиловых, из Аутена». Я и не знал, что могу так любить и заботиться, не знал, что можно так... обожать и жить другим существом.

Но потом пришла драконья хворь и ни один треклятый лекарь не смог её спасти, ни один маг, ни одна ведьма — сборище шарлатанов! Истинная таяла на моих глазах, медленно, мучительно, и я ничего не мог сделать, даже метка не придавала ей сил. За две недели Елена угасла, умерла вместе с нашим не рождённым ребёнком.

Истинность оборвалась — я остался один и призывал смерть, которая всё не приходила.

«Нашему ребёнку могло бы быть уже семь лет, — думаю я, входя в спальню, откуда с портрета на меня смотрят бархатные, как у лани, карие глаза жены. — А может, у нас было бы уже несколько детей. Я ведь так хотел... мечтал... Учил бы сына драться на мечах, купил бы дочери котёнка или кого там любят маленькие девочки...»

Смотрю на портрет, потом перевожу взгляд на расписную вазу, в которую Елена любила ставить цветы, что я приносил ей почти каждый день. «Как давно это было, будто в другой жизни и не со мной», — вздыхаю и иду на кухню.

«Хватит, Эйрон», — варю себе утренний кофе на маленькой жаровне по военной привычке. У нас в гарнизоне все равны, лорд-не лорд, командир-не командир — не важно, будь добр обслужи себя сам, нянек нет.

Наливаю дымящийся напиток в большую глиняную кружку, вдыхаю аромат — то что надо, крепкий с нотками горечи и ореха. Сажусь в кресло у окна и разворачиваю «Вестник Дурана».

Что у нас тут? Одни светские сплетни: бал у графини Переналь, помолвка лорда Руаж, новая опера в театре... И ни слова о том, что на границах беспокойно, что разведка докладывает об отрядах чёрных драконов, шныряющих по приграничному лесу, что нужно запастись пшеницу и коптить мясо впрок, что перемирие не так прочно, как кажется. Впрочем, зачем пугать мирных людей? От старой войны едва оправились. Пусть живут в неведении, пока могут.

Перелистываю газету, делаю глоток кофе, слышу шаги на крыльце и усмехаюсь: «Должно быть, девица из кабаре».

Вспоминаю, как почувствовал желание вчера, глядя на танцовщиц, как Нэйтон шептал, что «они тут такое исполняют, все мастерицы в постели...»

Дверь открывается, и в комнату входит молодая, свежая и весьма притягательная путешница.

Замираю с кружкой в руке, разглядывая точёную фигурку в тонком платье, под которым, похоже, нет ни нижнего платья, ни корсета — так соблазнительно вырисовываются груди и виден каждый изгиб. Светлые волосы девушки слегка растрёпаны, будто она одевалась в спешке, огромные голубые глаза на бледном лице смотрят серьёзно и удивлённо, пухлые губы цвета клубники приоткрыты, и мне тотчас хочется попробовать их на вкус.

Кровь приливает туда, куда и должна при виде такой женщины.

«Неплохо, — думаю я, поднимаясь из кресла. — Совсем неплохо, я даже не ожидал, что мне пришлют такой алмаз».

— Ну надо же, — говорю вслух, подходя ближе, — какую хорошенькую девицу прислали... Я и не ожидал.

Голубые глаза притягивают к себе, в них — растерянность, но не страх. «Спина прямая, подбородок вздёрнут, — подмечаю я, — интересно, она будто готовится не дарить мне удовольствие, а бороться со мной, обычно куртизанки держатся иначе».

— Как тебя зовут, милая? — девица едва заметно вздрагивает, будто мои слова задели её.

— Тиана, — голос нежный, срывающийся и такой... манящий. — Возможно, вы меня с кем-то пу...

— И имя какое красивое, — моё возбуждение только усиливается от звука её голоса, подхожу ещё ближе. — Редкое, как и ты сама.

Вдыхаю её запах — она пахнет странно. Не духами, не пудрой, чем-то цветочным, фиалковым и неуловимо женственным, от чего мой дракон внутри вдруг тихонько рычит. Ему так и хочется сделать эта самку своей, овладеть ею, хотя эта женщина явно не драконица с сильной магией, которая может привлечь моего зверя, и уж тем более она не может быть моей истинной.

Но такой реакции не было давно, очень давно!

Касаюсь её подбородка, приподнимаю лицо: кожа мягкая, нежная, точно у фарфоровой куколки. Она смотрит обескураженно, как будто не ожидала прикосновений и даже немного напугана ими.

— И глаза такие чистые, невинные... — чувствую, как дракон рвётся наружу, даже зрачки меняются. Я чувствую это, не могу контролировать. Она видит — и её дыхание сбивается, зрачки расширяются, словно только сейчас поняла, к кому пришла.

«Чувствует, — думаю я, — ощущает мою силу. Хорошо, значит, очень чувственна в постели».

— Возможно, тут какая-то ошибка, — выдавливает она и, кажется, пытается отстраниться. — Я ищу...

— Ты уже нашла, — усмехаюсь её игре.

Неужели решила разыграть невинную девочку? Что ж, выглядит она вполне невинно, при других обстоятельствах я, возможно и поверил бы.

— Да-да, и драконы пользуются услугами куртизанок, — продолжаю я, представляя её без этого платья, — особенно когда прибывают в столицу всего на пару дней по имперским делам и не имеют времени на ухаживания, — напряжение в паху уже невыносимо, и я озвучиваю своё желание. — Раздевайся!

Провожу пальцами вниз от подбородка по шее, нежная кожа куколки мгновенно покрывается мурашками, а мои пальцы покалывает от предвкушения. Она вздрагивает, и я чувствую её пульс под пальцами, быстрый, сбивчивый.

Но её глаза вдруг вспыхивают не желанием — яростью.

— Да что вы себе позволяете?! — она отшатывается, вырывая подбородок из моих пальцев. — Я никакая не куртизанка! Я ищу господина Дженса Хардинга, моего семейного юриста!

Приподнимаю бровь: «Твоя игра неплоха, но лучше поторопись, иначе я сам раздену тебя и овладею прямо на этом ковре, без всякой прелюдии». Медленно оглядываю её: растрёпанные волосы, платье без корсета, грудь, которая так и просится в ладони...

— Поэтому ты без корсета явилась, и без белья, судя по всему?

Её щёки вспыхивают, и это уже совсем не притворство.

— Не ваше дело, грубиян! Я торопилась! У меня вопрос жизни и смерти, и мне срочно нужен господин Хардинг! — она так разгневана, что, кажется, вот-вот влепит мне пощёчину.

«Неужели и вправду какая-то ошибка? Может, Нэйтон меня разыгрывает? С него станется... Что ж, посмотрим!»

— Он живёт в четвёртом доме, дальше по улице. Ты пришла в четырнадцатый, —жимаю плечами, глядя на выражение её лица. — Но я заплачу тебе больше, чем он. К тому же он женат...

— Да не блудница я! — её голос срывается на крик, глаза мечут молнии. — Я леди! Леди Тиана Мидден! А вы грубиян, хам и мужлан!

Кажется, она вот-вот набросится на меня с кулаками, но, судя по всему, строптивница берёт себя в руки и, окатив меня полным презрения взглядом, разворачивается и вылетает из комнаты, как ошпаренная, да ещё и дверью хлопает так, что стёкла звенят!

Несколько секунд я стою неподвижно в какой-то неудобной звенящей после бури грозовой тишине, а потом начинаю смеяться.

«Ах ты бестия! — думаю я. — Какой характер! Грубиян, хам и мужлан... Давно меня, сына лорда Десмонда и боевого дракона, так не называли! И не вылетали из моего дома, хлопая дверью, предварительно не одарив меня ласками. Как она посмела уйти вот так?»

Дракон внутри рычит от азарта, от желания догнать, прижать к стене, заставить взять свои слова обратно, а затем извиниться, желательно сняв с меня штаны и встав на колени.

«Что за происки случая? Как могло леди, баронессу, если не врёт, занести именно в мой дом в выходной день с утра пораньше. Ей полагается спать в обнимку с муженьком-дармоедом после какого-нибудь бала...

И какого Нечистого баронесса делает здесь в такую рань? Без кареты, без слуг, без корсета? Врывается в чужие дома и ищет юриста по «вопросу жизни и смерти»?

Мидден... Мидден... Знакомая фамилия. Где-то слышал, и не так давно... Надо пойти за ней, догнать!»

Открываю дверь, а там — девица, симпатичная, ярко накрашенная, с глубоким вырезом и профессиональной улыбкой. Вот эта — точно куртизанка.

— Лорд Десмонд? Меня прислали из заведения мадам Жу...

«Значит, та, первая, и правда была леди, а я принял её за шлюху и велел раздеваться, — усмехаюсь. — Что ж, бывает. К тому же знаем мы этих светских леди... исполняют в постели такие пируэты, похлеще некоторых шлюх из квартала удовольствий».

— Входи, милая, — отступаю в сторону.

Девица входит, покачивая бёдрами. Опытная, это видно сразу, и знает, зачем пришла.

Чувствую, как горит огнём неуголённое желание, подстёгнутое растрёпанной леди Мидден, и закрываю дверь.

— Раздевайся, я хочу прямо здесь...

«А она хороша — эта девица», — закрываю глаза и наслаждаюсь тем, что она делает руками, губами, телом. Стонет в нужных местах, выгибается красиво, шепчет пошлости, которые должны возбуждать.

Я беру её прямо в гостиной, на том самом кресле у окна, на столике, у которого так и стоит недопитый кофе. Беляночка оплетает меня ногами, впивается ногтями в плечи, кричит от удовольствия — настоящего или притворного, какая разница, — и я растворяюсь в этих продажных ласках, утоляю свой пыл.

Но перед глазами стоит другое лицо: голубые глаза, полыхающие яростью, зардевшиеся щёки, губы цвета клубники, выплёвывающие «грубиян, хам и мужлан».

«Леди Тиана Мидден!»

Вбиваюсь в податливое тело, но думаю о другой. Как бы она выглядела подо мной? Как бы выгибалась? Как бы стонала она — эта странная леди без корсета, с нежным запахом фиалок и огнём в глазах?

После, когда удовольствие получено, а девица мурлычет что-то о том, как ей было хорошо, я всё не могу избавиться от мыслей о загадочной леди.

«Что за бред?! — одёргиваю себя. — Что мне за дело до какой-то леди? У меня была истинная, я знаю, что такое любовь с первого взгляда. Это... это просто влечение голодного мужчины, столько времени без женщины, вот тело и реагирует на первую попавшуюся юбку».

— Ещё? — девица тянется ко мне.

«Молодец, чувствуешь желания мужчины», — киваю и беру её снова.

Час спустя я уже одет и готов к выходу: тёмно-синий мундир северного гарнизона, начищенные сапоги, меч на поясе. Сегодня доклад императору — нужно выглядеть соответственно.

Девица ушла, получив щедрую плату и оставив свою именную карточку. Пожалуй, позову её, когда приеду в столицу в следующий раз, если ещё будет в строю, ведь я буду здесь через полгода, не раньше.

Тело расслабилось, желание утихло. Но пустота не заполнилась, как всегда после покупных ласк. Дракон затих, безразличный к женщине, что ласкала меня, словно ничего и не было вовсе.

«Внутри меня пусто так же, как и в этом осиротевшем доме», — бросаю последний взгляд на гостиную, на кресло у окна, на зашторенные окна и закрываю дверь.

«Леди Тиана Мидден, — пытаюсь вспомнить, где и в связи с чем слышал эту фамилию. — Мидден. Барон Мидден...»

Вспомнил! Это очередной столичный хлыщ, светский бездельник. Ходили слухи, что он женился на богатой купеческой дочке ради приданого. Стоксы, кажется, были владельцами лесопилок и известными меценатами, помогли отреставрировать старую часть городской библиотеки.

«Да-да, очень состоятельные люди», — припоминаю, что вскоре после свадьбы дочери, Стоксы погибли. Громкое дело было, на них напали разбойники на дороге, а расследование ни к чему не привело.

Очень удобно для барона Миддена, который теперь распоряжается состоянием жены. И эта самая жена теперь ищет юриста по «вопросу жизни и смерти»?

«Интересно. Очень интересно. Впрочем, не моё дело. У меня своих забот хватает: доклад императору, ситуация на границах, чёрные драконы, война, которая вот-вот начнётся», — спускаюсь и сажусь в поданную имперскую карету.

— Трогай! — команду кучеру.

«Мне не до столичных интриг», — откидываюсь на спинку сиденья, закрываю глаза. Но перед внутренним взором вновь предстаёт личико разъярённой леди Мидден, настоящее, живое, не безучастная маска, как у большинства светских кукол.

Мой дракон снова шевелится, ему тоже не безразлична эта леди, да настолько, что он вострепнулся при виде женщины впервые за семь лет.

«Забудь! — говорю себе. — Это ничего не значит. Просто случайная встреча».

Карета поворачивает на главную улицу, а мои мысли концентрируются на докладе и просьбе об отправке дополнительных сил к беспокойным точкам на границе с Арраносом.

Мои дорогие!

Глава у нас с перчинкой, и у меня для вас есть целая книга приправленная специями!
Приглашаю вас в свою самую любимую и уже законченную историю про ещё одну попаданку, и какую...

Кого мы ожидаем увидеть? Врача? Повара? Адвоката?

Нет, зайки!

Нас ждёт *горячая история 18+* про эскортницу Кристину, попавшую в тело обещанной аристократки накануне свадьбы с brutальным, опасным и чертовски горячим графом!

Попаданка: из содержанки в графини

<https://litnet.com/shrt/hSXM>

Автор предупреждает, в книге есть *ооочень жаркие сцены*, и жаркие они не от погодных условий!

Скучно не будет, обещаю!

<https://litnet.com/shrt/twhX>

Глава 5. Больше терпеть не буду

Тиана

Из дома Хардинга я выхожу с чётким планом и осознанием того, на краю какой глубокой пропасти находилась доверчивая и влюблённая в подлеца Тиана. «Мудаки есть в каждом мире, неважно, менеджер ли это среднего звена в растянутом свитере или лощённый аристократ», — горько думаю я.

Поверенный Стоксов оказался именно таким, каким его помнила Тиана: пожилой, внимательный профессионал с умными живыми глазами за стёклами очков. Он выслушал молча, не перебивая, только изредка кивал и делал пометки, а на его бесстрастном лице не было ни капли удивления, он будто сто раз видел и слышал такие истории.

— Ситуация неприятная, достаточно сложная, но не безнадёжная, — сказал он, когда я закончила. — Ваши родители были людьми предусмотрительными, они оставили завещание, в котором вы — единственная наследница. Однако же вы передали право распоряжаться имуществом с дальнейшим вступлением во владение супругу. Очень хорошо, что вы обратились до истечения полугода, поскольку если не предпринять быстрых и решительных действий, то владельцем вашего состояния станет барон Мидден. Пока что, он лишь управляющий, но владелец вы, и вы можете всё изменить. Правда, время ваше ограничено, документы нужно составлять уже сегодня и нести их в суд не медля.

— То есть я смогу беспрепятственно забрать своё?

— Сможете, но с некоторыми, гхм, трудностями, я полагаю, — в голосе мужчины слышится неуверенность и я уточняю:

— С какими трудностями?

— Для этого нужно либо расторгнуть брак, либо подать прошение о самостоятельном управлении имуществом, — заметил он, снял очки и протёр их платком.

— Разве это трудности? — мне искренне непонятно, что сложного в том, чтобы развестись с таким, как Персиваль Мидден.

— Леди Тиана, — голос господина Дженса прозвучал вкрадчиво, — я знаю такие случаи: жёны сегодня в гневе, а завтра прощают мужей, чтобы сохранить семью и положение в обществе, воссоединяются с благоверными, снова идут у них на поводу, а я лишь забираю свою оплату за оказанные дважды услуги. Но в последствии узнаю, как спустя несколько лет такая доверчивая леди оказывается в каком-нибудь монастыре под благовидным предлогом, даже если она родит дитя своему барону или лорду.

— Со мной такого не будет! — уверенно смотрю ему в глаза. — Я пойду до конца и заберу своё, а барон Мидден пусть ищет другую дурочку! Я больше не намерена терпеть!

Поверенный слегка склонил голову и внимательно посмотрел на меня, а потом внезапно улыбнулся:

— Вот теперь я вижу в вас ваших родителей, ту же самую решительность и несгибаемую волю, которой славился ваш батюшка! Скажу открыто: я знал чету Стокс много лет, да вы и сами помните, мы даже День Благодарения отмечали как-то семьями...

— Конечно, — улыбнулась в ответ, пока память Тианы подбросила воспоминание о тёплых семейных посиделках, столе, полном еды, детском смехе двух мальчиков Хардингов и нашей возни на чердаке — игру в привидения.

— Ваши родители были честными, порядочными людьми. И им, положив руку на сердце, никогда не нравился барон Мидден... За последние полгода он снял со счетов максимально дозволенную вашим наследством сумму, до вступления в полное право, конечно, там вообще можно будет снять всё... Вы уж извините, — он замаялся, явно подбирая слова, — но я взял на себя дерзость отследить, куда ушли деньги. Так вот они ушли на погашение части долгов

модному портному, оплату ремонтных работ в фамильном поместье Мидденов, по слухам, оно в очень плачевном состоянии, и... раздачу карточных долгов по закладным.

— Портной... поместье... карты... — пробормотала под нос, — но я не играю в карты, про поместье мне никто ничего не говорил, я там даже не была, а платья шила в последний раз ещё до смерти родителей, потом... потом я была сломлена утратой, мне ни до чего не было дела..

— Понимаю, — в глазах напротив теплится доверие, — я потому вам и сказал, что сумма, которую барон Мидден снял, довольно внушительна. Всё выглядит так, как будто муж... проматывает ваше состояние, вместо того, чтобы следить за ним и приумножать его. Так что, если вы испытываете сомнения по поводу своего решения...

— Я их не испытываю, я хочу развода! — сказала я твёрдо. — И хочу вернуть контроль над своими деньгами и землями! Не позволю какому-то аристократу проматывать своё состояние!

— Тогда нам нужно действовать быстро, сами понимаете, сроки весьма ограничены... — кажется, господин Хардинг окончательно поверил в серьёзность моих намерений.

— Готовьте документы! — я решительно встала из-за стола. — Я же пойду собирать вещи: не останусь ни минуты в доме Мидденов!

— Вы... — Хардинг посмотрел на меня с сочувствием, — леди Тиана... имейте в виду, что, пока будет длиться развод и рассматриваться ваше заявление, пользование деньгами и землями станет невозможно не только для барона Миддена, но и для вас.

— Это не беда, у меня есть некоторые сбережения и драгоценности, к тому же... к тому же у меня диплом лекаря! Действуйте без промедления, я хочу подать документы в суд сегодня же! Со всем остальным я справлюсь!

«Как всегда и во всём!» — подумала, открывая дверь.

— Принято, — кивнул он. — Приступлю сейчас же, подготовлю прошение о разводе и заявление о вступлении в самостоятельное управление наследством. Приходите после полудня, пойдём в суд вместе, а оплату за услуги я возьму позже, когда вы уже не будете стеснены в средствах и вступите в наследство.

Теперь я иду домой, дорога несложная, маршрут запомнила, и в голове крутятся разные мысли.

«После полудня подам на развод. Деньги заморозят на время разбирательства — это не беда: сбережения есть, только вот сколько... Первым делом нужно проверить их... С Перси станется наложить лапу на моё. Ещё нужно будет снять жильё, и неизвестно, на какой срок, значит, искать нужно что-то недорогое. И, конечно, мне нужна работа... Ну, с этим понятно: пойду в лазарет. Тиана — дипломированный лекарь, пусть и без официального опыта, но, надеюсь, возьмут. А если нет... дам объявление, буду принимать в частном порядке, не пропаду!»

Утренний город уже проснулся, на улицах лоточники раскладывают товар, служанки спешат с корзинами, где-то кричит молочник. Пахнет свежим хлебом из пекарни, лесом от проезжающей телеги, гружёной брёвнами, и цветами из ярких деревянных ящиков на окнах.

«А ведь красиво здесь! — думаю я, глядя на залитые солнцем каменные фасады и алеющую на них герань. — Если бы не обстоятельства, могла бы даже остановиться и вдоволь полюбоваться».

Но обстоятельства есть, и имя им Персиваль Мидден.

«Ничего, — сжимаю кулаки. — Я справлюсь. Я долго тянула на себе всё на свете, практически одна, без помощи и поддержки. Уж как-нибудь проживу и здесь, без мужа-подлеца и свекрови-гадюки это будет гораздо проще, возможно, даже приятно».

Дом Мидденов встречает меня запахом еды и лёгким скрипом двери. Но, едва вхожу, слышу голоса из столовой.

«Завтракают, значит. Ну, самое время и мне подкрепиться, заодно посмотрю на семейку Мидденов в полном сборе».

Перед зеркалом в золочёной раме поправляю платье, приглаживаю волосы, но всё равно выгляжу растрёпанной. «Ну и пусть», — вдыхаю полной грудью, готовясь к битве, и вхожу в столовую.

За длинным столом, накрытым белой скатертью, сидят двое: Персиваль во главе и леди Розмари по правую руку от него. Перед ними — фарфоровые тарелки с яичницей и беконом, серебряный кофейник, корзинка с булочками, несколько видов варенья и сыр. Пахнет кофе и смердит показной благопристойностью. Так и не подумаешь, что передо мной сидит чванливая пустая женщина и её подлый сын, не умеющий держать своё хозяйство в штанах.

Персиваль выглядит помятым после вчерашнего: под глазами тени, выражение лица уставшее уже с утра. «Интересно, всё-таки добрался до спальни? Или маменька утром будила свою корзиночку?» — украдкой рассматриваю леди Розмари, которая выглядит гораздо лучше сына этим утром: седые волосы уложены в сложную причёску, на шее — жемчужное ожерелье, спина прямая как палка.

Её можно было бы назвать милой стареющей женщиной, если бы не тонкие губы, поджатые в вечном неодобрении.

— О, Тиана, — она окидывает меня взглядом с ног до головы, и в нём — целый приговор. — Наконец-то изволила явиться. Где тебя носило с самого утра?

— Доброе утро, леди Розмари. Доброе утро, Персиваль, — сажусь на своё место, напротив свекрови. — Вышла в город, захотелось пройтись.

— Прогулка? — свекровь приподнимает бровь. — Какие ещё променады могут быть у замужней женщины с утра пораньше, да ещё и без сопровождения?! — она скользит по мне таким презрительным взглядом, словно за стол с ней села грязная бродяжка, не меньше.

Служанка ставит передо мной тарелку с завтраком. Яичница ещё горячая, и я беру вилку, отрезаю кусочек. Нужно сытно поесть, неизвестно, когда и где это будет в следующий раз, день мне, судя по всему, предстоит длинный... и нервный.

— А что в этом такого, — отвечаю спокойно, — захотела и вышла, погода стоит чудесная. Да и что предосудительного в обычном желании пройтись с утра?

— Желание! — леди Розмари фыркает. — Да лучше б у тебя побольше желания было наследника народить! Бегаешь невесть где, вот именно поэтому ты до сих пор и не понесла! С утра должно при муже быть, позаботиться о нём, ублажить... Дети-то просто так не появляются, ещё лекаркой себя называла! — и старуха омерзительно фыркает.

«Вашего сыночка, спящего в коматозе после ночных возлияний прямо в кресле, есть кому ублажить», — хочу ответить ей, но сдерживаюсь, вместо этого перевожу взгляд на Персиваля, проверяю реакцию на нападки старой гримзы.

Реакции ожидаемо нет, он увлечённо жуёт бекон, отрезает яичницу и ему абсолютно всё равно, что его мать практически поливает помоями его жену. Жену, которой он клялся в вечной любви и обещал хранить, беречь и носить на руках. «Очевидно, нападки маменьки не входят ни в одну из категории обещанного», — не могу сдержать усмешки.

Старая ведьма замечает мою ухмылку и распаляется ещё больше:

— Вы уже больше года в браке! — глаза гневно сверкают. — Детей всё нет! Может, ты и вовсе пустоцвет, а, Тиана? Бракованная?

— Я тоже об этом задумываюсь, — наконец-то подаёт голос Перси. — Сколько я ни стараюсь, ты всё никак не забеременеешь, и дело, знаешь ли, не во мне, у меня есть бастард от девки в поместье...

«Ну, мои дорогие, будет вам сейчас, о чём задуматься, — откладываю вилку. — Ещё своим ребёнком незаконнорождённым мне тыкать решил! Это в прошлой жизни я бы стерпела, проглотила обиду, промолчала, как, собственно, всегда и делала. Свекровь у меня, кстати,

тоже была той ещё... царствие ей небесное. Новая жизнь, стало быть и проживу её по-новому. Хватит с меня молчать и терпеть!»

— Если я такая плохая, — говорю ровным голосом, обводя семейку «уродственников» взглядом, — тогда давай разводиться, Перси.

Тишина обрушивается на столовую лавиной, глушит даже дыхание Мидденов, слышно лишь, как тикают часы и где-то в глубине дома гремит посудой служанка.

Персиваль замирает с вилок на полпути ко рту. Леди Розмари открывает рот — и закрывает. Впервые на моей памяти она не находит слов.

— Что... что ты сказала? — наконец выдавливают Персиваль.

— Я сказала: давай разводиться, — повторяю и встаю из-за стола. — Раз я такая ничёмная жена, которая не может народить дитя и ведёт себя неподобающе, зачем тебе со мной мучиться? Разведёмся, и все будут счастливы.

— Ты... ты с ума сошла? — Персиваль тоже встаёт, роняя вилку на скатерть. — Что ты себе позволяешь?!

— Я позволяю себе не терпеть унижения, — отвечаю я спокойно. — Непривычно, правда?

— Тиана, прекрати! — он повышает голос, лицо наливается краской. — Знай своё место и будь покорной женой, как должно женщине твоего происхождения!

— Моего происхождения? — тут же вспоминаю все клятвы, как этот самый Персиваль шептал: «Ты для меня одна во всём свете, мне не важен твой титул». — А что с ним не так?

— Ах, да ты забыла своё место?! Так я напомним: ты дочь торгаша и простолюдинки! — гневно выкрикивает муженёк с жирным пятном от бекона на подбородке.

— Вот и отлично, — улыбаюсь я. — Значит, страдать не будешь, видишь, как много тебя не устраивает: и происхождение, и что наследника нет. Замечательно! Значит, на развод я подам сегодня же!

Разворачиваюсь и иду к двери.

— Стой! — кричит он мне в спину. — Куда ты пошла?!

— Сбирать вещи! — и с удовольствием хлопаю дверью столовой, иду к лестнице.

Уже в комнате первым делом проверяю кошель с золотом — тот, что Тиана откладывала на медикаменты для бедняков, которым подчас даже живая мазь была не по карману.

«Почти полный! — облегчённо выдыхаю я. — Спасибо тебе, добрая чистая душа за эту привычку заботиться о тех, кто нуждается».

Нахожу в гардеробной кожаный саквояж, небольшой, но пара платьев, сменное бельё и самое необходимое туда поместится, да и сама унести смогу. Оглядываю комнату и решаю открыть окно: душно, солнце разошлось и светит во всю.

Стоило мне приоткрыть тяжёлые деревянные ставни, как слышу разговор в столовой, которая находится в аккурат под спальней. Замираю, прислушиваюсь:

— Это что за вожжа ей под хвост попала! — голос леди Розмари срывается на визг. — Словно нечистый в неё вселился! Как она разговаривает?!

— Совсем неподобающе, — соглашается Персиваль, — как будто подменили!

— Иди, утихомирь её! Нам деньги нужны, я столько эту крестьянку в доме терпела не для того, чтобы за две недели до того как мы получим её денежки, она уходила, хлопнув дверью, глядишь, и правда на развод подаст...

— Нет, мама, я не позволю! Пойду, приласкаю её хорошенько! — слышу усмешку в голосе благоверного, и под кожей разливается липкое отвращение, едва представляю, как он прикоснётся ко мне.

— Иди-иди, этой дурочке много не надо! Пусть будет довольна, недолго ей осталось королевой в моём доме ходить!

— Я всё улажу, мама! — повышает голос Персиваль. — Не учи!

— Нам поместье в Дорине отремонтировать! — не унимается женщина. — Ещё долги по закладной погашать! Ах, мне плохо, где мои нюхательные соли...

— Не переживай, она не заберёт наши денежки, — говорит Перси, как о решённом деле, — я найду на неё управу. Ты знаешь, я умею решать вопросы... — что-то зловещее слышится в его тоне, и я решаю, что надо поскорее собрать вещи и бежать из этого осинового гнезда.

«Поместье в Дорине, — думаю я. — Долги по закладной. Дженс был прав, деньги Тианы утекали, как вода в засушливую пустыню, и эти люди даже не в состоянии проявить хоть какое-то уважение к руке, с которой едят... А Тиана, как влюблённая дуручка, ни о чём таком и не догадывалась, всё принимала как должное...» — оглядываю платья, решаю что взять.

Большинство нарядов громоздкие, неудобные, да и не подойдут для моей новой жизни простой лекарки в городском лазарете. Беру пару платьев, что попроще, без рюшей, немного белья, чулок.

Открываю шкатулку с драгоценностями. Тут кое-что есть: серьги с сапфирами, браслет с аметистами, жемчужное ожерелье, золотая цепочка — всё из приданого Тианы, всё её по праву. Ссыпаю в небольшой мешочек, аккуратно убираю в саквояж.

Дверь за спиной открывается.

— Тиана, милая... — раздаётся вкрадчивый голос Персиваля. Он стоит на пороге, привалившись плечом к косяку, пытается выглядеть спокойным, но венка у него на виске дёргается.

— Успокойся, моя девочка, — говорит он примирительно. — Давай поговорим.

— О чём? — отворачиваюсь, разглядываю ботинки, выбираю добротные кожаные на низком каблуке, в таких будет удобно ходить, а врачи за смену иногда по несколько километров наматывают.

— Как, о чём, о нас. О нашем браке. Ты погорячилась там, внизу, мама тоже. Прости ей её вспыльчивость, она бывает резкой, но она не со зла... Она любит тебя...

— О! Она меня любит, надо же, Перси! А ты? — сарказм так и льётся из меня, но благоверный не замечает.

— И я тебя люблю, ты же знаешь! К чему эти вопросы, я готов доказать делом! — и он начинает расстёгивать штаны.

— Мне таких доказательств не надо, ты их всем готов давать! — прерываю его и застёгиваю саквояж.

— Ты о чём? — на его лице искреннее недоумение.

— О том, что ты меня не любишь, Перси, вот о чём! Притворяться и разыгрывать героя-любownika мне тут не надо! — с удовольствием наблюдаю, как вытягивается лицо пока ещё мужа.

— С чего ты взяла?.. — бормочет он, явно застигнутый врасплох.

— С того, что знаю о твоей любовнице!

Паузой и ещё большим замешательством барона я наслаждаюсь от души.

— Какая ещё любовница? — он пытается усмехнуться, но выходит криво. — Тиана, ты несёшь чушь...

— Леди Сирена Бордом, — говорю я, глядя ему в глаза. — Я видела вас в библиотеке на балу у графа Верналя вчера вечером. Вспомнил, как страстно шептал ей, что выкинешь меня на улицу?

Лицо Персиваля каменеет.

— Ты... ты следила за мной?

— Я искала книгу о травах, а нашла мужа, который трахал графскую дочку прямо на столе, — голос не дрожит, и я этим горжусь.

Персиваль молчит секунду, а потом его лицо перекашивается:

— Подслушивала, значит?! Шпионила за мной?!

— И ещё один вопрос, — продолжаю я, не обращая внимания на его крик, — кто толкнул меня с лестницы, милый?

Он замирает:

— Что?

— Я стояла на верхней ступени лестницы, и кто-то толкнул меня в спину, — делаю шаг к нему. — Это был ты? Или твоя великосветская шлюха?

— Ты бредишь! — он отступает. — Ты повредила рассудком! Ты упала сама, ты...

— Я не падала! — меня буквально распирает от злости. — Меня толкнули!

Я наступаю на него, он пятится, делает шаг вбок.

— И я обязательно выясню, кто это сделал, но сначала разведусь с тобой!

— Разведёшься?! — он вдруг хватается меня за плечи, сжимает до боли. — Да кто ты без меня?! Пустышка! Простолюдинка без рода и имени!

Смотрю на него, глаза в глаза, спокойно и холодно, ощущая лишь безразличность и желание оказаться на другом конце этого мира, подальше от этого подлеца:

— Отпусти меня, ублюдок!

— Я заморожу все твои деньги! — он трясёт меня, брызгая слюной. — Все до последнего гроша! Пока не разведёмся, а развод может длиться год! Ты не получишь ничего! Сдохнешь с голода!

— Отпусти! — повторяю я. — Или я закричу, и сбежится прислуга, вызовем городничего, заодно разберёмся, почему вчера жена барона Персиваля Миддена упала с лестницы. Хочешь скандала? Я его устрою на весь Антас!

Он отпускает и отступает на шаг, тяжело дыша.

— Ты пожалеешь! — шипит он. — Ты на коленях ко мне приползёшь, когда поймёшь, что никто без меня!

— Это мы ещё посмотрим, кто без кого полная пустышка! — я беру сумку и закидываю на плечо. — Я-то пойду в лазарет работать...

— В лазарет?! — он прерывает меня и хохочет. — Ты?! Да кому ты там нужна?!

— Выясню!

Он делает последнюю попытку и загораживает проход.

— Ти... — бедняга уже и не знает, как удержать меня, тянет руки, строит жалобное лицо.

— Подвинься! — грубо пресекаю дальнейшую попытку разговора.

— Тиана... — он вдруг меняет тон, пытается говорить мягко. — Послушай, мы можем всё обсудить. Я погорячился, ты погорячилась...

— Я не горячилась! — смотрю на него в упор. — Я впервые за долгое время говорю то, что думаю. Подвинься!

— Ты совершаешь ошибку...

— Я совершила ошибку, когда вышла за тебя, а теперь дай мне наконец-то пройти! Иначе я закричу и заявлю, что ты силой удерживаешь меня в этом отвратительном доме!

Он с неохотой отступает. Я наконец-то прохожу, но не могу удержаться и на пороге оборачиваюсь:

— Кстати, Перси... а сможешь ли ты без моих денег платить по закладным и щеголять по балам? — насмешливо улыбаюсь. — Может, и тебе работу поискать? Я тебя и твою стерву-мать кормить больше не собираюсь. А модные портные нынче не всякому бездельнику по карману...

Выхожу, не дожидаясь ответа, и быстро спускаюсь по лестнице. Сердце колотится, но не от страха, а от свободы, от того, что наконец-то сделала то, что нужно было сделать давно.

«Тиана бы не смогла, — думаю я. — Она любила его, была ослеплена, очарована, бог знает чем, а я нет. Я вижу его насквозь!»

В холле меня встречает леди Розмари. Змея стоит у двери, скрестив руки на груди.

— Куда это ты собралась? — звучит её ледяной голос.

— Ухожу, — отвечаю просто.

— Уходишь?! Ты не посмеешь! Ты...

— Уже посмела, — обхожу её и открываю дверь. — Это вы больше не посмеете оскорблять меня! Прощайте, — обдаю её презрением, — леди!

— Ты пожалеешь! — визжит она в спину. — Кому ты будешь нужна, разведённая! Одна! Да мы тебя уничтожим! Весь свет от тебя отвернётся, останешься без титула!

«Больно он мне нужен!» — захлопываю дверь.

Выхожу на крыльцо, и солнце бьёт в глаза, тёплое, яркое, летнее, и я наконец-то вдыхаю полной грудью: «Свобода! Вот она такая в этом мире — не Маринкины сигареты и каберне, привкус пока что другой, но мне... нравится!»

Спускаюсь по ступенькам и иду к Хардингу. Впереди — развод, работа, новая жизнь в новом мире.

И я, чёрт возьми, справлюсь, как и всегда!

Мои дорогие!

Приглашаю в потрясающую и уже завершённую книгу в которой попаданка столкнулась с изменой, предательством мужа и несмотря ни на что, нашла себя в новом мире и занимается тем, что ей по сердцу. (возрастной ценз как всегда 18+)

Дракон желает нелюбимую жену!

<https://litnet.com/shrt/qP5S>

Читаем, влюбляемся, летаем на драконе.

Здесь: https://litnet.com/shrt/BH_j

Глава 6. К мужу есть вопросы

Тиана

Суд Антаса похож на произведение искусства, величественное здание с колоннами и изображением дракона-императора над входом. Внутри блестят чистотой мраморные полы, над головой высокие потолки, повсюду гулкое эхо шагов и люди, ждущие приёма.

— Нам сюда, леди Тиана, — господин Хардинг указывает на массивную тёмную дверь. — Канцелярия по семейным делам. Как раз успели вовремя, под запись и до обеда. Сейчас подадим документы и распишетесь в них в присутствии должностного лица.

Киваю и иду за ним, стараясь держать спину прямо. В руках у поверенного — кожаная папка с бумагами, которые он спешно подготовил во время моих словесных баталий с семьёй Мидденов. И от этих бумаг, тщательно проверенных мной в экипаже по пути в здание суда, зависит моя дальнейшая судьба в этом мире.

В просторной канцелярии с массивными стеллажами за внушительным столом восседает чиновник, пожилой, с брюшком, двойным подбородком и таким выражением лица, будто весь мир ему должен. На носу висят очки в золотой оправе, на пальце блестит перстень с печаткой.

«Интересно, ты заслужил это место, или чей-то великовозрастный сын, как Перси Мидден?» — подхожу вплотную к столу.

— Чем могу служить? — мужчина даже не поднимает глаз от бумаг.

— Господин секретарь, — Хардинг кладёт папку на стол, — леди Тиана Мидден, урождённая Стокс, желает подать прошение о расторжении брака с бароном Персивалем Мидденом, а также заявление о вступлении в самостоятельное управление своим наследством.

Теперь чиновник поднимает глаза и внимательно смотрит на меня, потом на Хардинга и снова на меня.

— Расторжение брака? — он произносит это так, будто я попросила достать луну с неба, а не принять стопку бумаг. — И самостоятельное управление? Без мужа?!

— Именно так, — отвечаю я ровным тоном.

— Но... — он откидывается в кресле, — это весьма необычно. Леди вашего положения, супруга барона...

— Надеюсь, в скорости бывшего супруга, — улыбаюсь ему со всем возможным обаянием, хотя от вида его реакции хочется не улыбаться, а провести жёсткую беседу о том, что курица — птица, а женщина — здравомыслящий человек с мозгами и собственным мнением.

Но, памятуя об истинном положении дочерей Евы в этом мире, я воздерживаюсь от задушевной беседы с возрастным толстяком.

— Но как же так, без мужа? — чиновник качает головой. — Кто будет управлять землями? Вести дела? Это же... это же неслыханно!

— Значит, станет прецедентом, — снова ослепительно улыбаюсь и спокойно продолжаю: — Потому что я буду управлять сама. У меня есть на это полное право по закону. Не так ли, господин Хардинг?

Поверенный раскрывает папку и начинает выкладывать документы:

— Завещание покойных Бренда и Гретты Стокс, в котором леди Тиана указана единственной наследницей. Соглашение, подписанное леди Тианой, согласно которому барон Мидден получил право управления, но не владения. Прощение о расторжении брака с указанием причин. Заявление о вступлении в самостоятельное управление наследством. Всё оформлено согласно имперскому законодательству.

Чиновник берёт бумаги, листает их, на лице мелькает смесь недоумения и неодобрения.

— Причина расторжения брака... — он щурится, читая, — супружеская неверность?

— Да, — отвечаю я громко и чётко. — Муж мне изменял.

За спиной слышится шорох. Оборачиваюсь. Дверь в канцелярию приоткрыта, и в коридоре маячат какие-то люди, слышат каждое слово.

«Ну и пусть, — думаю я. — Пусть весь город знает».

— Всего лишь неверность? — продолжает чинуша. — Разве не может мужчина ошибиться?

— А женщина, — парирую я, — у женщины есть такое же право на ошибку?

— Гхм... — на него нападает внезапный приступ кашля, под которым, подозреваю, скрывается отсутствие аргументов. — Вы понимаете, леди Мидден, — чиновник прокашливается и понижает голос, — что это вызовет... определённый резонанс? Развод — дело серьёзное, скандальное...

— Я понимаю, — киваю, — и готова к этому, хочу подписать всё, что нужно тотчас, в вашем присутствии... И чтобы вы подписали документ о перечне принятых документов в ответ...

Он смотрит на меня несколько долгих секунд, потом вздыхает и придвигает бумаги:

— Хорошо, леди, подписывайте. Вот здесь, и здесь, и вот тут, внизу.

Беру перо, оглядываю стол в поисках чернильницы...

— Зачарованное, — подсказывает мне Хардинг.

— Ох, я так разволновалась, — быстро придумываю отговорку. «Ещё надо вспомнить свою подпись», — чувствую, что от нервов вот-вот задрожат руки.

Но на удачу пальцы сами собой выводят подпись: «Тиана Мидден, урождённая Стокс».

— Принято, — чиновник ставит печать на каждый документ. — Прощение будет рассмотрено в течение двух-трёх месяцев, если не возникнет трудностей и ответных исков. До вынесения решения все счета и земли будут заморожены для обеих сторон, налоги в таких случаях взимаются после, когда одна из сторон вступит во владение.

— Благодарю, — встаю из-за стола.

— Такова моя работа, Леди Мидден... то есть, госпожа Стокс...

Поверенный следует за мной, и мы выходим из канцелярии в коридор, где было прекрасно слышно каждое слово нашей беседы. Охочие до слухов и сплетен зеваки расступаются, глядят на меня во все глаза. А следом за мной ползёт волна из шелеста платьев, шарканья сапог и шепотков:

— ...развод с бароном...

— ...слышали? Супружеская неверность...

— ...какой скандал...

— ...Стоксы, те самые, богатые...

— ... ишь какая гордая, подумаешь, изменил. Он барон, ему всё можно...

Иду мимо них с высоко поднятой головой, думаю о том, что на самом деле я не проигравшая, а победительница, но толпа может думать, как ей угодно, подстраиваться не собираюсь, в прежней жизни хватило.

Хардинг семенит рядом, на его лице сияет лёгкая улыбка.

— Вы держались превосходно, леди Тиана, — говорит он тихо. — Ваш батюшка гордился бы вами.

— Спасибо, господин Хардинг, за всё. Если бы не вы, не знаю, как справилась бы с этим сама.

— Это моя работа, — он слегка кланяется. — Я буду держать вас в курсе. Куда присылать корреспонденцию? Как ваш поверенный я намерен надавить на все возможные рычаги, чтобы ускорить процесс и вы скорее вступили в свои права.

— Я... — на секунду задумываюсь. — Я пока не знаю, где буду жить, мне нужно подыскать недорогое жильё, но сначала схожу в лазарет, узнаю о работе. Кто знает, может, они могут предоставить мне комнату, мне много не нужно.

- У нас на улице сдаётся чудесный дом, небольшой и укромный, могу похлопотать.
— Благодарю, я схожу в лазарет и после приму решение.

Мы выходим в просторный холл ратуши, и я замираю, потому что у лестницы стоит Персиваль в сопровождении опасного с виду громилы. Здоровенный детина с бычьей шеей, сломанным носом и маленькими пороссячьими глазками, такой крупный и высокий, что муженёк рядом с ним кажется коротышкой. На поясе бандита, а по-другому его никак не назовёшь, висит нож в потёртых ножнах, и почему-то мне кажется, что он этим ножом активно пользуется... и вовсе не для того, чтобы намазать масло на хлеб.

Персиваль видит меня — и его лицо перекашивается от злости. Он делает шаг навстречу.

— Ты! — шипит он. — Что ты тут делаешь? Как посмела заявиться в суд...

— О, и снова здравствуй, милый! — улыбаюсь самой сладкой улыбкой, хоть внутри и шевелится нехорошее предчувствие. — Ты можешь не торопиться снимать мои денежки, закладывая земли или строить какие-то очередные козни: всё уже заморожено, заявление на развод подано, так что ты официально скоро станешь свободным мужчиной! Поздравляю! Женишься на своей любовнице, если будешь нужен ей нищим.

Его лицо багровеет.

— Ты... ты не смей оскорблять меня! Помни, где находишься, не в своём крестьянском свинарнике! Держи рот на замке, иначе пожалеешь об этом...

— Зато ты, я посмотрю, ведёшь себя, как истинный аристократ, — презрение к этому недомужчине так и льётся из меня, — унижаешь и угрожаешь женщине, — пожимаю плечами. — Ничего не скажешь, достойное барона поведение. А теперь, прости, мне пора... Пойду в лазарет, устроюсь на работу. А ты ещё не думал о будущем? Прокормит ли тебя твоя номинальная должность в совете, где ты лишь проигрываешь деньги в карты? Советую поискать высокооплачиваемую работу, может, титул тебе поможет, ведь ничего другого у тебя нет!

Обхожу его и иду к выходу. Чувствую спиной его взгляд, ненавидящий, озлобленный.

— Это ещё не конец, Тиана! — говорит он таким тоном, что по спине бегут мурашки, а ощущение опасности становится ещё острее.

Но я не оборачиваюсь. Выхожу на улицу из каменных гулких коридоров на сияющие солнцем улицы, расслабляюсь и вдыхаю полной грудью.

— Леди Тиана, — Хардинг смотрит задумчиво, — будьте осторожны. Этот человек рядом с бароном... он выглядит опасным, как бы... как бы чего не случилось.

— Я заметила, — благодарно киваю. — Спасибо за предупреждение.

— Возможно, вам нужно нанять охрану, по крайней мере, пока всё не закончится, или уехать куда подальше... Я ведь могу представлять ваши интересы в суде и связываться с вами посредством почты... Вы только скажите, помогу чем смогу!

— Я справлюсь, господин Хардинг, вы и так много сделали для меня, — пожимаю ему руку. — К тому же я думаю, что у Персиваля кишка тонка осуществить свои угрозы. Я зайду после лазарета.

Он кланяется и уходит. Я же иду в сторону лазарета — память Тианы услужливо подсказывает дорогу. Кровь бурлит после очередной словесной дуэли за этот долгий день, настроение, несмотря на трудности, приподнятое, я даже разглядываю дома и прохожих. Невольно улыбаюсь, услышав, как где-то в ветках деревьев щебечет птица.

«Сколько всего интересного предстоит мне в этом мире... Одно зачарованное перо в канцелярии чего стоило. Господи боже, ведь в этом мире есть магия! Драконы! Возможно, если прыгнуть с парашютом я не успела, то может, на драконе полетаю?» — улыбаюсь шальным мыслям и чувствую себя такой живой, будто и не было смерти, скандала, и «чудесного» семейного завтрака.

Но хорошее настроение испаряется на первом же перекрёстке, потому что там я замечаю: громила, который стоял рядом с брызгающим слюной бароном, идёт за мной, не скрываясь и не таясь. Просто идёт в двадцати-тридцати шагах позади, буравя спину взглядом.

«Персиваль приставил ко мне слежку, — понимаю я. — Или... или это не просто слежка?»

Вспоминаю слова: «Я умею решать вопросы». Вспоминаю, как кто-то толкнул Тиану с лестницы.

Ладони мгновенно потеют, а саквояж в руках кажется неподъёмным, тяжёлым камнем.

«Нужно быстрее дойти до лазарета! — ускоряю шаг. — Может, это случайность и этот бандит пойдёт своей дорогой? Возможно, Дженс был прав, когда говорил, про отъезд из города. Сдаётся мне, Перси намерен уступать состояние Стоксов, которое почти уплыло из его кармана».

Быстро, почти бегом вхожу на территорию лазарета, большого серого здания с зелёным садиком и цветущими камелиями под окнами. Над входом — всё то же изображение императора, во дворе чуть поодаль люди в одинаковой форме, очевидно, солдаты, грузят в телеги какие-то ящики.

Вхожу внутрь, здесь пахнет травами, мылом и чистотой, и витает неуловимый больнич- ный дух, от которого у меня, как у врача со стажем, сразу становится спокойнее на душе.

— Вам чем помочь? — окликает меня женщина в белых переднике и чепце.

— Я хочу устроиться на работу. Я лекарь, у меня диплом академии.

— О! — она оживляется. — Это к главному распорядителю, господину Лорвану, сейчас налево, потом предпоследняя дверь по коридору. Вам повезло, я слышала, что нужны люди!

Иду по коридору — и замираю, потому что из нужной двери навстречу мне выходит... тот самый дракон, которого я с утра обозвала грубияном.

Теперь он не в рубашке, открывающей стальной пресс, а в тёмно-синем мундире, волосы собраны в хвост, на поясе — меч. Выглядит мужчина ещё более внушительно, чем утром, даже немного угрожающе.

«Последний, кого я бы хотела сейчас видеть», — по усмешке на его губах понимаю, что он заметил и узнал меня.

— Ну надо же! — говорит он тем самым бархатным голосом, от которого у меня против воли бегут мурашки по спине. — Леди Тиана Мидден! Какая встреча!

— Не могу сказать, что я рада. К тому же... не имею чести быть знакомой с вами, — парирую я. — Вы были так заняты ожиданием, гхм, некой особы, что не удосужились пред- ставиться!

— Лорд Эйрон Десмонд, — тёмные глаза смотрят насмешливо. — Будем знакомы, леди! «Ещё один надменный аристократ, ну конечно!»

— Очень рада, — сухо произношу я и стараюсь обойти дракона, вставшего на пути.

Коридор вдруг кажется слишком узким, а плечи дракона — слишком широкими. Я неук- ложе оступаю, и наглец тут же подхватывает меня.

— Осторожнее, леди, — он приподнимает бровь. — Того и глядишь, я подумаю, что вы ищите встречи со мной...

— Наглец! — выдёргиваю руку из его горячей, обжигающей ладони. — Да с чего вы взяли!

— Вторая встреча за день, Тиана, — от того как он произносит моё имя, по телу расте- кается сладкое томление. — Я бы мог подумать, что вы делаете это намеренно.

— Уверяю вас, встреча с вами — последнее, чего я желала.

— Как жаль, — он делает шаг в сторону, но я всё равно чувствую его запах, древесный и цитрусовый одновременно. — А я вот был бы не против... встретиться с вами.

От многозначительной паузы и двусмысленного тона томление внизу живота скручивается в тугую узел.

— Всё думаю о вас с момента нашего... утреннего недоразумения.

— Недоразумения? — фыркаю. — Вы приняли меня за продажную женщину и велели раздеваться. Это вы называете недоразумением? Это больше похоже на оскорбление, за которое стоило бы извиниться! Вот об этом надо думать, об извинениях, которые так и не принесли женщине!

— Признаю, я был... несколько поспешен в выводах, — он ухмыляется, и даже его глаза смеются. — Но согласитесь, ваш внешний вид располагал к определённым предположениям.

«Ах ты хам! Что за извинения с двойным дном!»

Кажется, я вот-вот взорвусь от гнева:

— Мой внешний вид — не ваше дело!

— О, я вижу, вы по-прежнему щеголяете без корсета, — его взгляд скользит по моей груди, и я чувствую, как к щекам приливает краска. — Это похоже на провокацию...

— Вы... вы невыносимы!

— А вы очаровательны, когда злитесь, — он усмехается. — Глаза так и сверкают. Прямо как утром, когда вы называли меня грубияном, хамом и мужланом.

— Я от своих слов не отказываюсь!

— И не надо, — он пожимает плечами. — Я, пожалуй, заслужил. Но, если вам станет легче, я действительно сожалею о том недоразумении.

Смотрю на него с подозрением, неужели этот... дракон нормально извинился? Впрочем, мне не до церемоний, мне на работу нужно устраиваться, а я стою и трачу время на пустые разговоры.

— Принято, — говорю я сухо. — А теперь, если позволите, у меня дела.

— Конечно, — он отступает в сторону, пропуская меня. — Удачи, леди Тиана.

Прохожу мимо, кожей чувствуя его взгляд.

«Взгляд, который кажется, вот-вот прожжёт дырку в платье... — сердце колотится, как ненормальное, и я злюсь на себя за это. — Соберись, Наталья Сергеевна. Тебе только снаружи двадцать, на самом деле — сорок девять... Ты не девчонка, чтобы краснеть от каждого симпатичного наглеца с накачанным прессом...»

Стучу в нужную дверь.

— Войдите!

За столом сидит пожилой мужчина в очках, седой и усталый. Перед ним лежат кипы бумаг.

— Слушаю вас...

— Меня зовут Тиана Стокс, — решаю использовать девичью фамилию. — Я лекарь, выпускница академии. Хочу устроиться на работу. Пойду кем угодно, хоть младшим лекарем, хоть помощником лекаря, неважно, лишь бы работать.

Он смотрит на меня с интересом:

— Лишь бы работать, говорите?

— Да.

— И вы готовы на любые условия? — в его голосе недоверие.

— Именно так.

Он молчит секунду, потом вздыхает:

— Что ж, госпожа Стокс, не буду скрывать: люди нам нужны. Очень нужны. Но... — он разводит руками, — здесь, в городском лазарете, все места заняты. У нас и так переизбыток младших лекарей.

Сердце падает.

— Но вы сказали, что люди нужны...

— Нужны, — кивает он. — Но не здесь. На севере, в гарнизонах, там отчаянно не хватает лекарей. Особенно в Северной стреле — это главная приграничная крепость.

— Северная стрела? — переспрашиваю я.

— Да. Там недавно... освободилось место. Прежний лекарь, скажем так, не справлялся со своими обязанностями, — он морщится. — Они готовы взять даже выпускника без опыта. Жалование двойное, жильё и питание за счёт гарнизона.

Бросаю взгляд в окно и вижу знакомую бычью фигуру. Громила стоит во дворе лазарета, привалившись к телеге, и смотрит прямо в это же окно. Ухмыляется, увидев, что я его заметила.

«Северная стрела... На границе, значит, далеко от столицы и от Персиваля с его громилами и угрозами».

Решение приходит мгновенно, и я говорю:

— Я согласна! Когда нужно уезжать?

Распорядитель удивлённо поднимает брови:

— Вот так сразу? Без раздумий?

— Да, я же сказала, мне нужна работа. Когда нужно уезжать?

— Сегодня, — он роется в бумагах. — Как раз сегодня отправляется обоз с припасами для северных гарнизонов: оружие, медикаменты, провиант. Вы можете поехать с ними, у них там вообще нет лекаря, дело срочное, не дай Пресветлая, какая чума приключится...

— Отлично. Я еду! — возможная чума кажется сейчас наименьшей из зол.

— Но... — он смотрит на мой саквояж, — вам нужно собрать вещи, попрощаться с родными...

— У меня всё с собой, — поднимаю сумку. — И прощаться мне не с кем.

Он смотрит на меня долгую минуту с пониманием и, кажется, с сочувствием.

— Коль так, — достаёт лист бумаги, макает перо в чернила. — Давайте приступим к оформлению, можно ваш диплом?

После того, как все документы подписаны, господин Лорван вручает мне пергамент:

— Вот ваше направление, обоз отправится через два часа от восточных ворот. Форму и тёплую одежду получите на месте: на севере сейчас уже холодает, лето там короткое.

— Благодарю, — беру бумагу.

— И ещё, госпожа Стокс, — он смотрит на меня поверх очков. — Северная стрела — это не городской лазарет. Там беспокойно, мы не говорим о войне, конечно же, но... Будьте готовы к... трудностям.

— Я готова, — произношу и сама удивляюсь тому, как уверенно это звучит. — Где здесь можно отправить письмо моему поверенному, мне нужно уведомить его о своём отъезде и сообщить адрес для корреспонденции.

Мои дорогие!

Как вы поняли, Тиана у нас теперь не будет никому и ничего спускать с рук, и если вы любите такие истории, в которых главная героиня выбирает себя и свое счастье, то моя потрясающая тёмная сказка о сильной женщине Галине именно для вас.

Всепрощальницам в этой истории делать нечего.

Злодейка отомстит. Твоя очередь, дракон!

<https://litnet.com/shrt/O--F>

Для всех, кто устал от историй где женщина предпочитает дать стопятидесятый шанс откровенному муда... (вы поняли) этот тёмный роман будет свежим глотком воздуха.

Сюжетные повороты здесь такие, что вы забудете слово скука.

По крайней мере, пока читаете мою книгу.

Роман вот: <https://litnet.com/shrt/O--F>

Глава 7. Неожиданный спаситель

Тиана

— Скорая имперская почта в соседнем крыле, — говорит мне господин Лорван. — Идите через двор, там увидите вывеску с голубем.

Преисполненная решительности выхожу во двор. День уже давно перевалил за полдень, тени удлинились, и во дворе лазарета стало тише — солдаты закончили грузить телеги и куда-то ушли. Только пара служанок развешивает бельё в дальнем углу да возница дремлет на козлах.

Иду через двор к соседнему крылу и краем глаза замечаю какое-то движение.

Громила!

Он стоит у ворот, прислонившись к столбу, и смотрит на меня. Нож на поясе кажется особенно зловещим.

«Ждёт», — понимаю я. Меня окатывает холодной волной страха, так и чувствую, как ускоряется пульс и при ходьбе начинают дрожать колени.

«Быстрее, иди быстрее», — ускоряю шаг, стараясь не показать страха. Вхожу в здание почты, небольшую комнату с конторкой и сонным клерком за ней.

— Мне нужно отправить срочное письмо, — говорю я.

— Куда?

— По городу, адрес есть, — достаю из кожаной лекарской сумки визитку Хардинга.

Клерк пододвигает мне бумагу и даёт зачарованное перо, я немедленно сажусь за маленький столик у окна и пишу:

«Уважаемый господин Хардинг!

Обстоятельства вынудили меня срочно покинуть столицу, поскольку я устроилась лекарем в гарнизон и отбываю в Северную стрелу. Как прибуду туда, сразу же отправлю вам письмо. В дальнейшем прошу направлять всю корреспонденцию туда. За мной следит тот самый опасный человек барона Миддена, полагаю, что до окончания бракоразводного процесса и вступления в права, мне лучше держаться подальше от столицы. Прошу и далее представлять мои интересы во всех инстанциях согласно оформленным нами документам и договору.

Благодарю вас за всё.

С уважением, Тиана Стокс».

Складываю письмо и плачу мелкую серебряную монету за срочную доставку. Клерк ставит сургучную печать и убирает письмо в сумку.

— Как раз сейчас придёт разносчик, тотчас доставим, госпожа.

— Благодарю!

Выхожу и оглядываюсь, громилы не видно: может, ушёл?

В животе урчит, понимаю, что ужасно голодна. Последний раз я ела утром в доме Мидденов, а с тех пор прошёл целый день: суд, скандалы, беготня по городу, устройство на работу...

Вспоминаю маленькую пекарню, которую заметила у входа в лазарет, откуда вкусно пахло свежей выпечкой.

«До отъезда обоза ещё есть время, — думаю я. — Успею перекусить. Да и с собой нужно что-то взять, неизвестно, что будет в дороге и смогу ли где-то купить еды».

Радуюсь, что амбал Персиваля наконец-то отстал от меня, иду к пекарне по тихому безлюдному дворику.

«Может, я погорячилась с этим отъездом невесты куда? — думаю, разглядывая аппетитные булочки. — Накрутила себя, перенервничала. Персиваль, конечно, тот ещё мудака, но убийство... Просто запугивал». Расплачиваюсь, засовываю ароматный свёрток в саквояж, оставив лишь одну булочку в руках, и выхожу в ранние летние сумерки.

В небольшом закутке вижу деревянную лавку и иду к ней, чтобы спокойно поесть, откусываю булочку и жмущусь от удовольствия — такая она вкусная.

Вдруг чья-то рука грубо хватается меня за плечо, а шепелявый мужской голос произносит прямо над ухом:

— Попалась, птичка!

Я пытаюсь вырваться, развернуться, и кое-как у меня это получается.

«Громила никуда не ушёл... он просто выжидал момент», — понимаю я, увидев того, кто практически напал на меня.

— Что вы себе позволяете, уберите от меня руки?! — отчитываю прихвостня Персиваля так, будто он один из моих интернов.

— Я ещё и не то себе позволю, — амбал многозначительно ухмыляется, и по мне прокатывается волна омерзения от недвусмысленности его тона.

Делаю шаг назад, пытаюсь развернуться и убежать, но громила оказывается на удивление ловким и грубо хватается меня:

— Думала убежать? — грубые пальцы сдавливают мои запястья, саквояж и булочка падают на землю.

Я пытаюсь вырваться, но его пальцы неумолимые, крепкие, как тиски.

— Пустите меня! — кричу я. — Помогите!

— Кричи-кричи, — он тащит меня в переулок между домами. — Тут всё равно никого нет, а барон велел с тобой не церемониться, — он похотливо оглядывает меня, и я в который раз за день жалею, что надела такое тонкое платье...

— Отпу... — кричу я, но он всё же зажимает мне рот.

— Я тебя отпущу, милая, обязательно, только сначала хорошенько поимею в той подворотне, там тихо, хорошо, нам никто не мешает... А тебе, конечно, потом никто не поверит...

— Н-не... — его грязная вонючая рука не даёт мне договорить, зажимает рот плотнее, в то время как это отребье прижимает меня к себе так близко, что чувствую вонь немытого тела и как... как он возбуждён.

По позвоночнику пробегает разряд ужаса. За всю мою жизнь никто и никогда не позволял себе такого поведения в отношении меня...

«Нет уж, я так легко не дамся!» — изворачиваюсь и кусаю его за руку. Насильник шипит от боли, но не отпускает, тогда я царапаю его, целюсь прямо в глаза.

— Ах ты тварь! — он замахивается, бьёт меня куда-то в живот, а потом толкает прямо в ту самую тёмную подворотню.

Я больно падаю, ударяюсь, но тут же встаю, готовая к защите, хотя сама понимаю, что я сейчас словно маленький мышонок против огромного злобного кота.

— Ты только раззадорила меня, — ухмыляется бугай, — сама виновата, тебе же будет больнее...

Он достаёт нож и делает шаг ко мне:

— Задирай платье, иначе это сделаю я...

В висках стучит, кровь приливает к ушам: «Нет-нет-нет!» — проносится в голове, и вдруг...

Вдруг бандит отлетает в сторону.

Кто-то оттаскивает его от меня рывком, легко, будто громила весит не больше мешка с мукой. Я отшатываюсь к стене, хватая ртом воздух, и пытаюсь разглядеть в полумраке узкого каменного двора, что происходит, кто пришёл мне на помощь.

И едва не вскрикиваю, увидев того, кого совсем не ожидала.

Эйрон!

Он держит громилу за грудки так, словно тот неразумное дитя, и уж на что бандит высок и широкоплеч, но по сравнению с драконом он кажется каким-то... хлипким. Эйрон легко,

как пушинку, поднимает бугая и бьёт о стену дома, тот вскрикивает, нож со звоном падает на брусчатку. Несостоявшийся насильник пытается ударить моего неожиданного защитника, но куда ему: реакция Эйрона такая, будто он предвидит движения противника. После короткой ожесточённой схватки на самоуверенном амбале, кажется, нет живого места.

Глаза драконьего лорда горят золотом, ярко, страшно, и на миг мне кажется, что вижу, как на его руках блестит... чешуя.

— Убирайся! — Эйрон спокоен, почти ленив когда смотрит на поверженного соперника сверху вниз, но от ледяного спокойствия в голосе веет смертью.

Громила едва может встать, но поднимается пошатываясь.

«Неужели хочет напасть ещё раз?»

— Убирайся! — повторяет Эйрон. — Пока я добрый.

Громила пятится, тихо чертыхается и едва ковыляя уходит.

Несколько секунд я просто стою, прислонившись к стене. Сердце колотится так, что больно в груди. Руки трясутся.

— У вас определённо есть талант, леди Тиана, — Эйрон поворачивается ко мне, и золото в его глазах медленно гаснет, — ходить без корсета и заходить не в те места.

Хочу и поблагодарить за спасение, и ответить что-то резкое — так меня задевает лёгкий насмешливый тон, но пока что голос меня не слушается.

— Я вижу вас уже в третий раз за день, — он приподнимает бровь. — Начинаю думать, что вы специально стараетесь попадаться мне на глаза в этом своём вызывающем наряде...

— Я... — откашливаюсь. — Я не...

— Если что, юная леди, — он делает шаг ко мне, и я чувствую его древесно-цитрусовый запах, — знайте: я не из тех, кто позарится на женские прелести и заведёт шашни с замужней женщиной, если вы понимаете, о чём я.

Несколько секунд я просто смотрю на него, а затем до меня доходит, что он имеет в виду.

— Что?! — вспыхиваю я. — Да вы... вы...

— Я просто предупреждаю, — он пожимает плечами с невыносимо самодовольным видом, — чтобы не было недоразумений.

— Хам! — выплёвываю я, чувствуя, как щёки заливают краска от злости, смущения и чего-то ещё неопределённого. — Грубиян! Да я не из тех, кто заводит шашни! И к вашему сведению, я развожусь! И замуж больше не желаю! Мне хватило одного брака, спасибо! Последнее, чего я хочу, это скакать вокруг очередного самовлюблённого мужика!

— Вот как? — усмехается он.

— Именно так! Что вы, вообще, о себе возомнили?! Думаете, если вы меня спасли, я брошусь вам на шею?! Да я скорее...

— Спокойно, леди, — он примирительно поднимает руки, но в глазах теплится смешинка. — Я понял. Вы не хотите замуж. Я тоже не тяготею к браку. Мы квиты.

— Мы не квиты! Мы вообще никто друг другу!

— Разумеется, — он кивает с притворной серьёзностью. — Абсолютно никто.

Разворачиваюсь и ухожу быстрым шагом, почти бегом. Щёки горят, сердце колотится.

«Самовлюблённый наглец! — думаю я. — Решил, что я за ним бегаю! Да я его видеть не хочу!»

Но где-то глубоко внутри шевелится запоздалое сожаление, за то, что не поблагодарила его за спасение, и за то, что не отвесила пощёчину, хотя так и подмывало.

«Это какое же самомнение надо иметь, чтобы думать, что всё вокруг вертится вокруг твоей персоны и женщины готовы буквально запрыгивать на тебя, как голодные собаки!» — подбираю свой саквояж, слава богу, никто не заметил его.

Проверяю, всё ли на месте, облегчённо вздыхаю, увидев заветный бархатный кошель с золотом.

«Ладно, — успокаиваюсь я, — всё обошлось. Спасибо лорду Десмонду. Могла бы и сказать «спасибо», конечно, но сам виноват, вывел меня из себя. К тому же я уезжаю работать в Северную стрелу, вряд ли наши пути пересекутся. И уж последнее, что мне нужно сейчас, после того как меня едва не изнасиловали в тёмной подворотне, это думать о каком-то драконе с манией величия».

Возвращаясь к лазарету, нахожу место, где формируется обоз. Здесь стоят телеги, лошади, солдаты в дорожных плащах.

— Вы лекарь Стокс? — окликает меня усатый мужчина в форме. — Господин Лорван предупредил. Садитесь вон в ту повозку с красным пологом. Выезжаем через час.

Забираюсь в повозку, устраиваюсь среди мешков и ящиков, саквояж ставлю рядом.

«Через час, — думаю я, — через час я уеду из этого города, подальше от Персиваля, козней, сплетен, судов и бандитов, поджидающих в переулках».

Я наконец-то нормально ем и перевозжу дух. Сумерки сгущаются, и я с любопытством наблюдаю, как пожилой сутулый мужчина зажигает стеклянные фонари, невольно вспоминаются рассказы моего мира о старых, давно ушедших профессиях.

— Поехали! — командует мужской голос, и лошади трогаются.

Я так устала за этот сложный и невыносимо долгий день, полный событий, что засыпаю почти сразу. Но почему-то последнее, что я вижу, прежде чем погрузиться в царство Морфея, — золотые глаза одного невыносимого дракона...

Мои дорогие, приглашаю вас в роман, который будет завершён уже в июле.

Проданная. Лекарка бывшего дракона.

<https://litnet.com/shrt/wu5I>

Что если ты перенесла 4 эко и не смогла родить?

Всё просто: попадаешь в тело юной деревенской знахарки, которая только что родила от дракона-врага.

Изнанница и отверженная с младенцем на руках?

Как бы не так! Светлана, а теперь Лея, справится.

Только вот судьба делает крутой поворот и на неё надевают рабский ошейник.

Кто её купил угадаете?

<https://litnet.com/shrt/wu5I>

Догадки проверяем здесь:
<https://litnet.com/shrt/wu5I>

Глава 8. В пути

Тиана

«Третий день этой тряски, теперь ещё и холодный дождь», — поёживаюсь от пронизывающего холода и растираю руки.

Телега скрипит и подпрыгивает на каждой кочке, платье давно промокло, пальцы окоченели, а зубы выбивают мелкую дробь. Кутаюсь в плащ, который перестал греть ещё вчера, и мечтаю о сухой постели и ортопедическом матрасе.

«В книгах жизнь средневековых рыцарей описана куда романтичнее, — думаю я. — На деле же — один дискомфорт».

Впрочем, всё лучше, чем оставаться в Антасе, мне там теперь гораздо опаснее, чем в этой глуши на тряской телеге под дождём. Если бы не Эйрон Десмонд, так кстати оказавшийся у лазарета, один бог знает, что со мной сделал бы тот громила. Вспоминаю слова Перси о том, что он умеет решать проблемы, и в очередной раз задаюсь вопросом: уж не барончик ли столкнул Тиану с лестницы?

— Привал! — командует старший обоза Ирвин, бывалый вояка с густыми усами и обветренным лицом.

Обоз останавливается. Спускаюсь на землю, стараясь не угодить в хлюпающую грязь, и с удовольствием разминаю затёкшие ноги.

— Госпожа лекарь, — Ирвин подходит ко мне, — смотрю, совсем замёрзли. Держите, — и протягивает тяжёлый шерстяной плащ на меховой подкладке.

Кутаюсь в него и едва не стону от блаженства.

— Мы приближаемся к северу, — объясняет он. — Дальше будет только холоднее. Плащ армейский, для северных гарнизонов — считайте, форму загодя получили.

— Благодарю! А скоро прибудем в Северную стрелу?

— Полтора-два дня. К вечеру доберёмся до последней деревни, там переночуем в тепле и пополним припасы. И лошадям, и людям надо отдохнуть хорошенько.

— Это лучшая новость за три дня, — не скрываю облегчения в голосе и улыбаюсь.

Он усмехается в ответ и уходит проверять телеги.

Подхожу к костру, грею руки и оглядываюсь, вижу, что все одеты в такие же, как у меня, тёплые плащи. Думаю о том, что надо бы приглядеться по пути к травам, что растут в здешних краях. Может, и найду из чего в деревне вечером составить отвар да напоить людей в обозе, пневмонии в таких условиях одно раздолье, а лёгочных болезней в этом мире пруд пруди, это в памяти Тианы есть, да и к тому же предотвратить проще, чем потом лечить осложнения.

Немного согреваюсь и подмечаю, что людей стало гораздо больше, да и немудрено, в каждой деревне к обозу присоединяются новобранцы. Вчера я слышала, как Ирвин говорил, что людей не хватает, а сегодня вижу: всем новеньким уже выдали мечи, ещё и охрану обоза удвоили.

«Почему? — думаю я, и тревога шевелится в груди. — Неужели на севере так опасно?»

— Лекаря! — крик разрывает тишину. — Лекаря, скорее!

Срываюсь с места, бегу на голос и вижу у края поляны, где солдаты рубили дрова для костра, толпятся люди.

— Дорогу! — расталкиваю людей, чуть подсказывает, что мешкать нельзя.

Так и есть, на земле лежит парнишка с белым как мел лицом, рядом валяется топор и разлетевшиеся поленья. Правая нога бедолаги в крови, и крови этой очень много, одного взгляда достаточно, чтобы понять, что всему виной рубленая рана на ноге пониже бедра. Кровь хлещет толчками, пропитывает грязь.

«Артерия», — понимаю я.

— Жгут! — кричу я, падая на колени рядом с раненым. — Ремень, верёвку, что угодно! Быстро!

Кто-то суёт мне в руки кожаный ремень... Раз-два, и я уже перетягиваю ногу выше раны, затягиваю что есть силы. Кровь продолжает сочиться, но уже не хлещет фонтаном.

— Ты, — указываю на ближайшего солдата, — принеси мою суму из телеги с красным пологом, а ты, — смотрю на небритого детину с отсутствующим передним зубом, — наливай в котелок чистую воду и ставь кипятиться.

Они послушно кивают и тотчас бросаются выполнять.

— Как тебя зовут? — ласково спрашиваю паренька с посиневшими губами.

— М-мирек, — выдавливает он сквозь стиснутые зубы.

— Слушай меня, Мирек, всё будет хорошо, сейчас я осмотрю тебя и подлатаю. Будет неприятно и придётся потерпеть. Готов?

Он кивает, закусив губу.

Осматриваю рану — глубокая, но кость вроде цела. Топор рассёк мышцы и задел сосуд, нужно срочно зашивать, иначе парень истечёт кровью, как только сниму жгут.

Мне приносят лекарскую сумку. Расстёгиваю её в поисках иглы и нити, натываюсь на странный футляр, от которого едва уловимо веет теплом. Внутри футляра игла, тонкая, серебристая, с лёгким голубоватым отливом. «Зачарованная, — вспоминаю я. — Тиана использовала её для особо сложных случаев, очень хорошо, у нас именно такой». Взгляд падает на пучок сушёной травы. Я не помню, чтобы клала её в сумку, наверняка она из запасов практичной лекарки.

И вот что странно: вроде трава незнакомая, не такая как в моём прежнем мире, но пальцы знают её текстуру, а в голове всплывает название: чейрин-трава.

Нейроны в голове тут же соединяются в цепочку, и я знаю, нет, я уверена, что это прекрасное средство для заживления, особенно, если в руках есть хоть крупица магии. Это знание мне досталось от Тианы, все детство и юность возившуюся с травами в богатых на природные дары краях, где прошли её детство и отрочество. Внутри как будто образовался новый мощный пласт знаний, которые мгновенно переплетаются с моим прежним научным багажом и умениями. Всё моё существо чувствует, как крепнут эти ниточки в голове, а вместе с ними приходит уверенность: пусть у меня нет антисептика и анестезии у меня есть кое-что, что вполне заменит эти две отсутствующих переменных.

— Вода кипит? — кричу.

— Почти, госпожа!

— Как закипит, бросьте туда эту траву, — протягиваю пучок своему щербатому помощнику. — Пусть заварится.

Пока жду отвар, тщательно мою руки и готовлю иглу и нить, руки не дрожат, для меня это дело привычное. Непривычно только, что условия нестерильные, так можно и заразу занести, ничего не скажешь, шикарный у меня операционный стол — прямо на земле, посреди грязи и дров. «Первым делом на новом месте проверю запасы спирта», — думаю я, щедро поливая зачарованную иглу из маленького бутылка, что был в сумке.

— Отвар готов, госпожа! — подбегает мой невольный помощник.

— Дайте остыть немного и несите сюда.

Чугунный котёл тащат в ручей, и я мысленно аплодирую солдатской смекалке.

Промываю рану чуть тёплым целебным отваром, Мирек стонет едва слышно, но всё же терпит. Молодец, не орёт и не дёргается.

— Дайте ему вина, потому что сейчас будет больно, — предупреждаю.

Парень залпом выпивает из чаши, после я командую:

— Держите крепко.

Двое солдат хватают парня за плечи, я начинаю шить, стежок за стежком, аккуратно и ровно. Игла входит в плоть легко, будто сама знает, куда нужно. И тут я чувствую странное: под кожей начинает пульсировать тепло, покалывающее, будто слабые разряды электричества бегут по моим венам. В груди разливается жар, стекает по рукам к кончикам пальцев.

«Что это?» — думаю я, но руки продолжают работать, их не напугать и не остановить. Раз-два, и вот я уже накладываю последний шов. Снова промываю отваром чейрин-травы, потом пропитываю им чистые бинты и накладываю повязку. Тепло из моих пальцев перетекает в ткань, не знаю, как, это не видно, я... просто чувствую это так же ясно, как собственное сердцебиение.

А потом, кажется, что схожу с ума, потому что на долю секунды вижу это самое необъяснимое: бинты вспыхивают мягким золотистым светом.

«Что это? — думаю я. — Может, обычное для Тианы дело?» — прислушиваюсь к себе, копаюсь в воспоминаниях, но ничего подобного в памяти нет.

Мирек вздрагивает, смотрит удивлённо.

«Тоже заметил эти странности?» — думаю я.

— Пресветлая мать! Боль... — он распахивает глаза. — Боль отступила! Госпожа лекарь, вы сотворили чудо с моей ногой!

«Не заметил», — украдкой смотрю на окружающих и понимаю: несмотря на то, что десятки глаз, наблюдали за тем, что я делаю, ни один взор не приметил ничего странного.

— Я лекарь, — отвечаю спокойно, хоть сама не до конца понимаю, что только что произошло. — Лежи спокойно, не двигайся, тебя сейчас перенесут на обоз и до конца пути никаких пеших и конных прогулок, а в Северной стреле будешь соблюдать постельный режим сколько скажу.

— Слушаюсь, госпожа лекарь, — улыбается паренёк.

— Нужно сделать носилки и перенести Мирека в обоз, — смотрю на Ирвина, — ему нужно сейчас побереечь ногу, не то откроется кровотечение, и я не уверена, что смогу во второй раз зашить артерию.

— Сделаем, — с уважением говорит Ирвин, — поворачивается к двум солдатам покрепче и коротко деловито передаёт мои слова. — Госпожа Стокс, — вояка заканчивает отдавать приказы, — мальчишке повезло, что вы с нами, не то калеккой бы остался, сколько таких вот увечных я перевидал, каждую ходку нашу что-то такое приключается. И впервые на моей памяти лекарь так старается помочь деревенскому парняге.

— Перед врачом... лекарем все равны, я бы сделала то же самое, будь он хоть генералом, хоть последним из чинов, такова моя работа, — отвечаю я, пряча дрожащие руки в складках плаща.

Подбираю свою сумку, на удивление сухую, и вспоминаю, что Тиана покупала её втридорога, потому что это не просто кожаная добротная сума, а специальная, зачарованная. Добрая душа знала, что ходить в кварталы бедноты придётся украдкой от недовольного мужа в любой подходящий момент и в любую погоду, в дождь и снег в том числе, и не поскупилась.

Поднимаюсь, и ноги подрагивают, а голова кружится, будто я сдала пол-литра крови натошак.

«Что это со мной было? — думаю я. — Магия? Я что, использовала магию? Может, это тот самый дар, о котором говорила Гретта?» — вспоминаю слова покойной матери Тианы о том, что прабабка была ведьмой и, может быть, чувствующая травы девчушка унаследовала крупницы магии.

— Пойдёмте есть, там уж похлёбку наварили, — говорит Ирвин и с почтением подаёт мне руку.

С благодарностью принимаю её и иду, хлюпая по грязи. «Кто знает... мне кажется, в этом мире возможно всё. Уж коль я очутилась в новом теле и получила вторую жизнь, то и во всё остальное поверю».

До сих пор я думала, что это просто красивые слова, которым объяснялся талант к целительству Тианы, но теперь... Теперь знаю точно: то, что произошло пять минут назад, то, что бурлило в крови и стекало с кончиков пальцев, не талант, а самая настоящая магия.

Жмурясь от удовольствия ем горячую наваристую похлёбку со свиной и чувствую, как унимается дрожь в коленях.

Привал заканчивается и обоз продолжает путь.

Дождь не прекращается, небо свинцовое, низкое и в воздухе витает что-то зловещее. Я сижу в своей крытой телеге, кутаюсь в новый плащ и пытаюсь осмыслить то, что произошло: «Надо же, у меня есть магия. Раньше я верила только в науку, доказательную медицину, протоколы лечения. А теперь... я знаю всякие целебные травы, руки светятся золотом, а боль отступает от одного прикосновения. Столько лет в медицине, — думаю я, — и вот, пожалуйста. Оказывается, можно было просто руками водить».

Невольно усмехаюсь собственным мыслям. Хотя какой там смех, устала за эти три дня так, что глаза слипаются, вот-вот усну... Глаза закрываются, чувствую, как расслабляется уставшее, напряжённое тело, а потом в воздухе что-то свистит. А потом ещё и ещё, раздаются встревоженные крики.

Вздрагиваю, недоброе предчувствие вспыхивает в груди, и я открываю глаза.

— Засада! — кричит кто-то. — К оружию!

Выглядываю из своего возка и вижу, как из темнеющего в свинцовых сумерках леса по обеим сторонам дороги выскакивают люди, десятки людей, грязных, оборванных и вооружённых.

«Не доехали мы до деревни», — думаю я.

А потом мимо нас пролетает огненный шар.

Мои дорогие!

Приглашаю вас в свою новинку, в которой дорога попаданки тоже оказалась очень непростой.

Еще труднее оказалось начало её второй жизни.

Ссылка на жену дракона (18+)

<https://litnet.com/shrt/XX7y>

Читаем, влюбляемся и летаем на драконах.

Здесь: <https://litnet.com/shrt/hFUX>

Глава 9. Лекарка в бою

Тиана

Огненный шар врезается в одну из телег с провиантом. Взрыв гремит в вечерней тиши, а жар от него опалает лицо даже на расстоянии. Мешки с зерном вспыхивают, как сухая солома, и жадное пламя со странным зеленоватым отливом взмывает к свинцовому небу.

— Проклятое пламя! — орёт кто-то. — У них проклятое пламя!

В приступе паники выскакиваю из телеги, озираюсь в по сторонам и замираю оттого, что в небе... парят драконы. Мне даже хочется потереть глаза, ущипнуть себя за ладонь, выполнить все ритуалы, чтобы проснуться, вынырнуть из страшного фантастического сна.

«Это не сон, это реальность моего нового мира», — слежу за тем, как два чёрных силуэта кружат над обозом. Таких ни с чем и ни с кем не спутаешь — огромные ящеры, с размахом крыльев шире любой телеги, с тёмной угольной чешуёй, которая будто впитывает в себя последний свет сумерек, глаза горят золотом. Один из них открывает пасть и исторгает тёмное, серое-чёрное пламя прямо в сторону телеги с оружием. На втором из них сидит человек с огромной сумой впереди и именно из неё он достаёт маленькие горшочки, кидает их прицельно в обоз и те превращаются в то самое проклятое пламя.

Взрывы гремят один за другим, кричат люди, ржут обезумевшие от страха лошади.

«Они бьют по припасам, — понимаю я, наблюдая, как взрывается ещё одна телега. — Не люди их цель, а запасы, оружие, зерно и... наверняка мои медикаменты. Это не просто нападение, это продуманная стратегия».

Солдаты пытаются отстреливаться из луков, но стрелы отскакивают от чёрной чешуи, как щепки от камня.

— Тащи драконий арбалет, — кричит Ирвин кому-то, — заряжай магическими копьями!

Справа от меня идёт людская битва, те самые головорезы, что выскочили из леса добивают раненых, хватают всё, что не горит, режут упряжь лошадей.

— Госпожа лекарь! — щербатый детина, мой невольный ассистент, оказывается рядом, хватая меня за плечо. — Прячьтесь!

— Куда?! — кричу я в ответ, потому что прятаться некуда. — В лесу враги, сверху драконы... Надо спасать медикаменты из моей телеги, пока её не взор...

Громкий рёв, такой оглушительный, что уши закладывает похлеще, чем от выстрелов, прерывает мои слова. Низкий рокот его, кажется проникает в самое нутро и вызывает... необъяснимое в этом хаосе огня и взрывов чувство, что все будет хорошо.

Запрокидываю голову и вижу того, кто издал этот странный звук, парящего в тёмном небе огромного синего дракона. Он гораздо больше чёрных и гораздо ловчее, несмотря на гигантский размер. Мгновение, и вот уже зверюга молниеносно пикирует с высоты, смертоносно врежется в ближайшего чёрного дракона.

Раздаются удар, хруст... Чёрный дракон издаёт болезненный стон, если этот звук можно так назвать, кувыркается в воздухе, не может найти баланс, судя по всему, у него сломано крыло. Синий не даёт ему опомниться, бьёт снова, когтями, раздирая чешую на шее, и даже на расстоянии я понимаю, что враг повержен окончательно: из горла чёрного хлещет тёмная кровь. Неожиданный спаситель не останавливается на этом и с клёкотом выпускает из пасти ослепительное золотое пламя. Чёрный дракон падает, а я стою и смотрю на эту битву титанов раскрыв рот.

Туша врезается в землю примерно в пятидесяти шагах от меня. Земля вздрагивает, комья грязи и камни разлетаются во все стороны. Тварь ещё вздрагивает, издаёт посмертный хрип и застывает, золотой глаз смотрит куда-то в небо, но уже ничего не видит — зверь мёртв.

Не в силах пошевелиться и отвести глаз продолжаю наблюдать за синим ящером, от которого второй чёрный дракон, явно правильно оценивший силу противника, пытается скрыться, разворачивается в сторону леса, отчаянно машет крыльями...

Поздно. Синий настигает его за считанные секунды, хватая за шею, сжимает челюсти... Я невольно вспоминаю аллигатора, поймавшего дику антилопу на водопое в программе «Би-би-си» о самых опасных хищниках Африки. Синий ящер выглядит так же безжалостно, и глаза у него с такими же вертикальными змеиными зрачками. Хруст переломанных позвонков я слышу даже с того места, к которому буквально приросла. Всё, что могу, — лишь наблюдать, как вторая чёрная туша падает, ломая деревья на опушке леса.

Несколько секунд мысли окутывает тишина, лишь колотится сердце, чувствую, как выбрасывается адреналин в кровь. А потом всё отступает и во мне активируется режим «врач», я начинаю слышать треск горящих телег и стоны раненых.

«Действуй, — говорю себе. — Наташа, хватит стоять разинув рот, работай».

Бросаюсь к своей телеге, которая, слава всем богам, не горит. Достая из сумки хороший нож, которым уже успела обзавестись в этом мире, вскрываю один из ящичков, в которых, как доверительно сказал Ирвин, хранятся медицинские припасы.

«Так, что у нас тут, — глаза быстро осматривают ящик. — Отлично!» — нахожу всё нужное: нитки, флаконы со спиртом, похожие на тонкую серую марлю бинты. Быстро, на адреналине, запихиваю в зачарованную суму всё, что может пригодиться, и бегу на поле боя.

Вижу первого раненого, на лбу у него рана, повреждено много капилляров, кровь застит бедняге глаза, быстро промываю порез живой водой, обрабатываю спиртом, понимаю, что зашивать не нужно. Выдыхаю, накладываю повязку, бегу дальше, чувствуя, как уже знакомо покалывает в пальцах от этого странного, но приятного и какого-то родного тепла.

Второй, похоже из деревенских новобранцев, лежит со стрелой в плече. Наконечник застрял в кости, кровь течёт, но не хлещет — артерия не задета.

— Потерпи, — говорю, обламывая древко. — Сейчас будет больно.

Выдёргиваю наконечник одним рывком. Парень орёт, но я уже зажимаю рану, лью живую воду. Вижу, что кровь останавливается, накладываю швы, обрабатываю зашитое спиртом. Пальцы жжёт, золотая сила течёт в рану, снова вспышка, которую вижу только я.

«Ничего, значит, точно выздоровеет», — уверена я. Впрочем, некогда думать об этом, бегу дальше. Справа ещё раненый, за ним третий, четвёртый, пятый...

Работаю на автопилоте, как в приёмном покое в праздничную пятницу вечером, когда скорые везут одну за другой жертв петард, салютов и пьяных стычек. Руки делают своё дело, мозг анализирует: этот выживет, этот тоже, этого зашила, надо проверить попозже, этот тяжёловат, но я влила в него много золотой силы, выкарабкается, только бы в него шальная стрела не попала... Над головой стоит ставший уже привычным рёв, перевязываю раненого, краем глаза вижу, как синий дракон взмывает в небо и летит в сторону леса, туда, куда побежали уцелевшие враги.

«Добивать», — понимаю я. И в сердце ни капли жалости к тем, кто посмел напасть на мой обоз под предводительством двух чёрных драконов и ранить или убить людей, тех, кто ещё сегодня сидел у костра и хлебал свиную похлёбку рядом со мной, тех, кто ещё вчера косил сено в своей деревне, тех, кто оказался по мою сторону баррикад...

Вижу последнего раненого: «Боже, это же Ирвин...» Быстро осматриваю рубленую рану на предплечье, оцениваю ситуацию: глубокая, но чистая и ровная.

— Пустяки, госпожа Стокс, — морщится он. — Других смотри.

— Других я уже посмотрела, давайте руку.

Промываю, зашиваю, бинтую. Тепло в пальцах, золотая вспышка помогает. Ирвин смотрит на меня странно-тёплым взглядом, но молчит.

— Готово. Повязку не мочить, швы буду осматривать каждый день, если пойдёт хорошо, снимем через две недели.

— Благодарю, госпожа Стокс, — он сжимает моё плечо здоровой рукой. — Вы... вы молодец. Настоящий боевой лекарь.

Не успеваю ответить — над лесом поднимается столб золотого пламени. А потом из этого огненного марева вылетает тёмный силуэт гигантского синего дракона, возвращающегося к обозу.

Зверь снижается, кружит над поляной, выбирает место для посадки. Люди разбегаются, освобождая пространство.

Дракон приземляется в недалеко от меня, земля едва ощутимо вздрагивает. Я невольно отшатываюсь, но не отвожу глаз, рассматриваю его жадно, словно зачарованная.

Какой же он огромный! Чешуя переливается в свете догорающих телег, и я различаю необычайно красивый оттенок, он не просто синий, а с сапфировым отливом. Сглатываю комок в горле и понимаю, что глаза, подобные жидкому расплавленному золоту смотрят прямо на меня.

Как загипнотизированная смотрю в это золото и чувствую странное и необъяснимое: страх отступает, мне даже хочется подойти к нему ближе и прикоснуться.

«Пхх!» — и с лёгким шипением вокруг дракона появляется свечение. Золотистый свет окутывает его и скрывает от глаз. Щурюсь от яркой вспышки, прикрываю глаза рукой... а когда свечение гаснет, на месте дракона стоит человек.

Это мужчина, высокий, широкоплечий, с потрясающим рельефным телом, которое прекрасно можно разглядеть в языках пламени, ибо он в одних штанах. Видимо, рубашка этого атлета не пережила превращения. Часто моргаю, глаза ещё слепит после яркого свечения, не могу разглядеть черты его лица, хотя весь он кажется неуловимо знакомым. «Что за бред, Наташа, откуда тебе знать эту зверюгу?» — провожу рукой по глазам.

И снова замираю как вкопанная, потому что отчётливо вижу, как на груди бывшего драконом полубога исчезает чешуя. Ощущение такое, будто я только что стала свидетелем чего-то древнего, сильного, настоящего волшебства, не иначе. Поднимаю глаза выше и едва сдерживаюсь от вскрика.

Потому что передо мной чёрт наглец, лорд Эйрон Десмонд.

Сердце пропускает удар, может, два, может, даже три.

«Это он, — думаю я. — Этот сапфировый дракон тот самый, принявший меня за шлюху мужлан!»

«Он ещё и знатный лорд, который, кстати, спас тебя, — шепчет благоразумие, — а ты не соблаговолила как следует поблагодарить его».

Эйрон стоит посреди поляны, грязи и догорающих телег и выглядит так, будто позирует какому-то глянцевого журналу для съёмки «Мистер Вселенная», а отсутствие рубашки и кровь на руках — всего лишь бутафорский антураж.

Его взгляд не отрывается от меня, и я почему-то с досадой думаю, что наверняка растрёпана, перемазана в крови и грязи, понимаю, что у меня в правой руке игла, а в левой бинт.

А дракон... идёт ко мне.

С каждым его шагом в груди нарастает волнение, сердце бухает тяжело, но сладко и тревожно. Не понимаю, что происходит со мной, стою как вкопанная, не могу пошевелиться.

Эйрон останавливается в двух шагах. Смотрит на меня сверху вниз, на губах его играет лёгкая усмешка.

— Ну, здравствуй, леди без корсета, — говорит он таким бархатным голосом, что по спине проносится целая армия мурашек. — Я начинаю подозревать вас в шпионаже за мной, баронесса. Куда бы я ни направился — вы уже там.

А я, словно немая, стою и всё так же смотрю на него, золотые глаза ещё не погасли до нормального человеческого цвета, на широкой груди блестят капли дождя. Самодовольная усмешка на красивом лице даже не бесит.

Я вдыхаю и начинаю смеяться. Да-да, истерично, до слёз, до икоты, так что напоминаю себе героиню какого-то средневекового ромкома, потому что всё это какой-то абсурд: меня чуть не убили, потом я зашивала раны посреди горящего обоза, а над головой летал самый настоящий дракон.

«Наверное, у меня ПТСР, — думаю я, сквозь слёзы от смеха. — Иначе как объяснить, что этот наглец снова мне намекает на то, что я преследую его драконье величество, а мне просто смешно».

— Вы... — выдавливаю сквозь смех, вытирая слёзы грязной рукой, — вы невозможны, лорд Десмонд.

— А вы в крови, — он окидывает меня взглядом. — И по-прежнему без корсета. Это действительно становится традицией.

— Я только что спасала людям жизни! — наконец-то возмущаюсь я, хотя смех ещё булькает в горле. — Какой корсет?!

— Резонно, — он кивает с притворной серьёзностью. — Корсет бы вам помешал. Продолжайте в том же духе.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Вокруг — хаос, стоны раненых, треск догорающих телег. А мы стоим посреди всего этого и... что? Флиртуем?

«Соберись, Наталья Сергеевна, — говорю себе. — Тебе почти пятьдесят, не двадцать, и ты не розочка-студентка, а женщина, которая только что побывала в бою».

— Благодарю за спасение, лорд Десмонд, — говорю я наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Без вас мы все погибли бы.

— Мне приятно, что вы наконец-то нашли слова благодарности, — он пожимает плечами, и мышцы на его груди перекатываются под мокрой кожей. Я заставляю себя смотреть ему в глаза и выглядеть как ни в чём не бывало. — Вы бы наверняка что-нибудь придумали. Зашили бы драконам пасти, например, — он кивает на иголку, которую всё ещё держу в руке.

— У меня не хватило бы ниток, — парирую я.

Теперь смеётся он, низко, бархатно. От этого смеха что-то сжимается у меня внутри.

— Так вы и есть тот самый новый лекарь для моей Северной стрелы, которого я просил найти у господина Лорвана? — он уже знает ответ, я вижу это по его глазам. Но спрашивает всё равно.

— Та самая лекарка.

— Что ж, — он усмехается, — добро пожаловать в мой гарнизон, госпожа Стокс. Чувствую, с вами будет... нескучно.

— А вы?... — вопрос застывает у меня на губах. Я предчувствую, каким будет ответ, но хочу знать наверняка.

— А я — лорд-хранитель Северной стрелы и командующий Северным гарнизоном, — коротко подтверждает он мои догадки.

А после, не прощаясь и не говоря ни слова, несносный дракон разворачивается и уходит разбираться с хаосом, что творится вокруг.

Я же смотрю ему вслед и думаю: «Во что я ввязалась? Ещё и начальник у меня теперь... этот Эйрон!»

Но почему-то эта мысль не пугает, напротив, заставляет сердце биться быстрее.

«Тебе не двадцать, Наташа», — напоминаю себе и иду проверять всех, кому оказала помощь.

Мои дорогие!

Приглашаю вас в свою ЗАВЕРШЁННУЮ историю про ещё одну попаданку-лекарку и по совместительству...Бывшую истинную дракона.

Ей тоже довелось побывать в бою, спасти не одну жизнь и того, кто...

Прочитаете!

Фальшивая истинная. Скандальная лекарка дракона

<https://litnet.com/shrt/9RSQ>

<https://litnet.com/shrt/w8cc>

Глава 10. Под моей защитой

Эйрон

Разворачиваюсь и ухожу, чувствуя взгляд светловолосой дерзкой лекарки. Не такие речи ожидаешь услышать от леди, впрочем, увидеть леди посреди поля боя с иглой в руке — тоже не самое предсказуемое. Третий раз за неделю она попадает мне на пути, и каждый раз — в самых неожиданных обстоятельствах. Что будет в четвёртый?

Впрочем, мы теперь в одном гарнизоне, скоро узнаю.

«Перестань думать о ней! — говорю себе. — Есть дела поважнее».

Иду к Ирвину, который уже командует уцелевшими солдатами. На предплечье у него свежие бинты, наверняка работа леди Мидден, точнее госпожи Стокс. Как лекарка она молодец, невооружённым глазом видно, что повязка профессиональная, наверняка рана непростая, вон сколько крови на изодранном рукаве.

— Милорд, — Ирвин, моя правая рука, кланяется, слегка морщась от боли. — Как хорошо, что вы подросли. Ещё немного — и от обоза остались бы одни головёшки.

— Докладывай, — киваю ему. — Какие потери?

— Из человеческих: четверо убитых, дюжина раненых, но госпожа Стокс всех уже осмотрела, вон ещё ходит, — и кивает в сторону тонкой фигурки в меховом плаще, — с такой лекаркой выживут, — коротко по-военному докладывает бывалый вояка.

— Провиант?

— Потеряли две телеги с провиантом, две с оружием и одну с фуражом, — он честно и прямо смотрит мне в глаза.

— Могло быть хуже.

— Могло, — соглашается он. — Я слышал, что беспокойно теперь в этих краях. Поговаривают, у чёрных появилась лазейка через тракт, вот и разбойничают. Эти двое, — кивает в сторону драконьих туш, — явно не дикие, не залётные, да и отряд организованный, не случайные искатели наживы. Их послал кто-то, кто знал, что мы поедем с ценным грузом.

— Согласен, и с этим надо разбираться, — прикидываю я. — Как прибудем в крепость и придём в себя организуем вылазку, поищем, откуда лезут чёрные твари.

— Было бы хорошо, гнать их надо. Если б не вы совсем худо бы пришлось.

— Я как раз летел к гарнизону, задержали в столице кое-какие дела. Увидел дым — понял, что неладно.

— Хвала Великому Дракону! — Ирвин широко улыбается.

Оставляю его руководить сбором уцелевшего и иду проверять лошадей, людей, телеги. Работа привычная, делаю её, как и сотни раз за годы службы.

А из головы всё не выходит Тиана. «Стокс, не Мидден», — припоминаю, как называл новую лекарку Ирвин.

Стало быть, слухи не лгут, и светловолосая лекарка вот-вот станет бывшей женой барона Миддена. Она, конечно, обмолвилась об этом после инцидента с головорезом в тёмном переулке, но в пылу спора я не придавал серьёзного значения словам разгневанной красотки. Я и так думал о ней больше, чем должно, а когда увидел на поле боя, перемазанную кровью и грязью, с иглой в руке, то подумал, что глаза сыграли со мной злую шутку. Неужто это та самая аристократка, которую я принял за шлюху и которая не могла связать двух слов от возмущения?

Впрочем, она всё так же остра на язычок и ко всему оказалась прекрасным боевым лекарем, хладнокровным, быстрым, умелым. Жена избалованного светского бездельника не пряталась, не визжала, не падала в обморок, а работала, спасала жизни моих людей. Впрочем, барон ей явно не пара. Это я понял ещё в столице, едва увидел её мужа.

Проверяю упряжь на уцелевших лошадях и невольно вспоминаю, что было после того, как я спугнул громилу у лазарета и поговорил с Тианой. Она ушла, злая и раскрасневшаяся, а я отправился на приём в императорский дворец. Этим утром его величество пожелал видеть меня на этом утомительном мероприятии, и хоть мне совсем не хотелось задерживаться в столице, императору не отказывают.

«Напыщенные аристократы, фальшивые улыбки, пустые разговоры. Я бы предпочёл провести вечер в казарме с солдатами, но долг есть долг», — думал я принимая из рук шустрой подавальщицы бокал с вином и чувствуя на себе любопытные взгляды кумушек с дочерьми на выданье.

«Э, нет, мои любезные, — я устремился в дальний конец залы, — в мою сторону даже не смотрите, я не собираюсь больше жениться, тем более на какой-то ряженой светской бездельнице, у которой одни балы и украшения на уме. Если уж и выбирать себе жену, создавать семью, в которой родятся дети, то не здесь, тут я умную и достойную, с мозгами и характером, не встречу».

Командир Северной стрелы обязан появляться при дворе хотя бы изредка, но никто не мешает ему скрываться в тени разряженной толпы. И я нашёл укромное местечко за дальней колонной.

Попивая неплохое красное вино вдалеке от пёстрой толпы, я внезапно увидел того самого человека, с чьей супругой столкнулся буквально три часа назад, барона Персиваля Миддена.

Невысокий, смазливый, с тонкими усиками и масляным взглядом. Одет дорого, но безвкусно: слишком много золота, слишком много кружев, такое обличье более пристало девице, чем взрослому мужчине. В общем, типичный столичный хлыщ, каких я на дух не переношу. А рядом с ним небезызвестная мне Сирена Бордом.

«Ну надо же, Сирена, моя бывшая любовница, красивая, умелая в постели и абсолютно бессовестная, вьётся вокруг такого же аристократишки-лентяя, как и она сама, — усмехаюсь, глядя на эту парочку. Вся она кружила вокруг барона, как коршун вокруг жертвы, бросая на бедолагу отрепетированные томные взгляды, флиртуя, многообещающе улыбаясь. — Держу пари, она и с этим хлыщом изображает из себя сошедшую с ума от любви леди и всё так же готова задрать свои юбки где-нибудь в укромной комнате, как делала это год назад».

Отпивая вино и продолжаю усмехаться: «Интересно, а на барона Миддена у тебя тоже есть матримониальные планы, Сирена? Или, может, ты довольствуешься дорогими подарками? Говорят, у твоего отца уже не хватает золота, чтобы обеспечить достойное приданое всем шести дочерям...»

Впрочем, Персиваль Мидден не завидная партия, если верить слухам. Даже я слышал, что барон находился в бедственном материальном положении до того, как женился на своей прехорошенькой и ко всему ещё богатой жене. Той самой, которая гневно сверкая глазами говорила мне что-то про развод и что хватит с неё одного брака. Теперь понятно почему, если бы я увидел свою женщину в подобной ситуации, открыто флиртующей с любовником, я бы мокрого места не оставил от парочки.

А в том, что барон Мидден и Сирена Бордом любовники, я не сомневаюсь, слишком хорошо знаю Сирену и этот её голодный взгляд. А барон... барон вызвал у меня лишь насмешку да чувство гадливости, променять такую женщину, как Тиана Мидден, на светскую потаскуху Бордом... Болван!

«Что ж, вы нашли друг друга», — подумал я и хотел было уйти, но тут ко мне подплыла тётушка Маргарет — двоюродная сестра моей покойной матери, неисправимая сплетница и болтунья.

— Эйрон, дорогой! — зашебетала дородная леди, хватая меня за рукав. — Ты слышал новость? Сегодня был такой скандал!

— Какой скандал, тётушка? — вежливо спросил я, отступая в тень колонны. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь решил присоединиться к внезапной беседе с дальней родственницей.

— Эта выскочка безродная, Тиана Стокс, подала на развод! Представляешь? Как мозгов-то хватило, удумала разводиться! С бароном! — в визгливом голосе звенел неуместный восторг и предвкушение ещё большего скандала.

— Неужели? — постарался выглядеть равнодушным.

— Да-да! Говорят, крестьянка эта застала его с любовницей, возможно даже в собственном доме! Представляешь!

— Ну так пусть разводится, что скандального? — не выдерживаю я.

— Что ты! Развод ещё позорнее! Кем она будет? Снова крестьянской дочкой? Фи, какое падение! Со светских приёмов чуть ли не в хлев! — тётушка понизила голос. — А ещё говорят, что барону скоро придётся существенно сократить свои расходы. Всё состояние-то её, не его. Ох, бедняжка останется ни с чем!

«Вот в чём дело», — и в голове сложились в цельную картинку события этого вечера. Громила у лазарета не просто так подкарауливал беззащитную девушку. Что бы ему делать там, отребья обычно собираются в другой части города, не у главного лазарета Антаса. Не удивлюсь, если это Персиваль Мидден с его масляными бегающими глазками и кружевным жабо нанял того ублюдка.

По долгу службы я знаю все значные места в городе, начинал-то я с должности при городской страже, посему знаю, где собираются отребья, готовые за пару монет перерезать глотку кому угодно. Такие места для сброда всегда цветут и пахнут, и я уверен, что в них по-прежнему нанимают убийц.

«Самое время поразмяться перед полётом в гарнизон. Всё лучше, чем болванчиком кивать и улыбаться на этом приёме», — решил я и напрямик из императорского дворца отправился в одну такую таверну. Был уверен, что знаменитые «Свиные потроха» в Грязном квартале по соседству с Кварталом удовольствий всё ещё остаются той самой опасной дырой, в которой можно найти исполнителя на любое непотребное дело.

Я оказался прав, более того, уже знакомый мне наёмник обнаружился в углу в компании дружков и размалёванной блудницей на коленях. Он пил дешёвое вино и во всю глотку хвастался, что «пощупал сегодня одну знатную леди». Я подождал, пока он выйдет по нужде, и подкараулил его в тёмном переулке.

Он даже не успел вытащить нож, как я сжал его горло и поднял над землёй, чувствуя, как кипит во мне гнев от того, что это отребье посмело коснуться беззащитной леди, ещё и хвастало этим.

При одной мысли об этом дракон внутри издал тихий рык, и я почувствовал, как на мгновение на руках проступила чешуя.

Зрачки головореза расширились от ужаса.

— Я могу посадить тебя за решётку, — сказал я спокойно. — Могу убить прямо здесь, прямо сейчас, и никто не хватится тебя и уж тем более не будет сожалеть о том, что ты не вернулся за стол.

Он захрипел, дёргая ногами в воздухе.

— Но я этого не сделаю, — продолжил я, — если ты скажешь, кто нанял тебя, чтобы ты причинил вред леди Тиане Мидден.

Ослабил хватку ровно настолько, чтобы тот мог говорить.

— Её муж... — просипел ублюдок. — Барон Мидден... Он заплатил... чтоб я её попугал... а если не поможет...

— Что — если не поможет?

— Сказал выследить, где она живёт, и сделать так, чтобы она... оказалась в мешке на дне городского канала....

Я сжал пальцы сильнее, тварь захрипела.

— Понятно, — кивнул я. Мои догадки подтвердились. — Передай всем своим друзьям: если кто-то хоть пальцем коснётся леди Тианы, ему несдобровать.

И сам не понимая почему, добавил:

— Я — лорд-дракон Эйрон Десмонд, и отныне эта женщина под моей защитой!

— П-понял, милорд... — заикаясь, выдавил бандит, когда я швырнул его на землю. — Мы... я всем скажу...

— То-то же! — я наклонился к нему. — От меня не скрыться. Надеюсь, ты уже понял.

— Д-да, ваша светлость...

Я ушёл, небрежно бросив его в лужу нечистот.

«Она под моей защитой... Зачем я это сказал? Какое мне дело до этой женщины? До её мужа-подлеца, до её развода, до её проблем?» — думал я, шагая по ночному Антасу.

Никакого. Абсолютно никакого. И всё же... почему-то было важным знать, что её никто не тронет.

Возвращаясь к реальности, вокруг догорают телеги, курят раненые солдаты, несколько человек роют могилы в стороне для павших врагов. А я никак не могу выбросить из головы светлые волосы, голубые глаза и дерзкий ответ: «У меня не хватило бы ниток».

Усмехаюсь против воли, а ещё чувствую, что сделал правильно, когда сказал тому ублюдку, что «она под моей защитой». Пусть теперь и не в Антасе, пусть в моём гарнизоне, но я сдержу слово, потому что теперь эта невозможная женщина будет жить подле меня, работать под моим командованием и наверняка выдаст мне ещё не одну гневную отповедь.

«Это будет... интересно», — чувствую, как впервые со смерти истинной в груди пробуждается интерес к женщине.

Но интерес-интересом, а ночевать нам где-то надо. Людям и животным нужны отдых, тепло и сытная еда. Часть лошадей перебили в бою, уцелевшие еле потянут перегруженные телеги, однако делать нечего, и мы отправляемся в путь. Раненые стонут на каждой кочке, здоровые идут пешком.

До деревни мы не доходим, по пути нам попадается захудалый постоялый двор, однако он лучше, чем ночёвка под открытым небом и скудный солдатский ужин у костра.

Хозяин, увидев мой командирский знак, с готовностью находит для нас комнаты:

— Милорд, у нас тут тесно, но всем найдём место, всех накормим, обогреем, ох и неспокойно же в здешних краях. Давече вон амбар разорили... Думаем на чёрных, поразвелось их в последнее время. Хорошо, что вы пожаловали!

— Вскорости разберёмся, — киваю я. — Я командир Северной стрелы, как обоз прибывает в крепость, снарядим отряд, дабы навести порядок в округе.

— Ох, сама Пресветлая вас нам послала! — всплёскивает руками седобородый мужчина и отдаёт распоряжение кухарке, чтобы приготовила мясное рагу да не скупилась на мясо.

Раненых определяют в отдельную комнату потеплее, краем глаза замечаю, как госпожа Стокс, по-прежнему в заляпанном кровью платье, нисколько не заботясь о своём туалете, осматривает каждого, меняет повязки.

Смотрю на лекарку с уважением и думаю, какая же разница между нею и напомаженными аристократками на императорском приёме.

Прошу хозяина подготовить мне место, чтобы помыться, отправляю тех, кого поцелее пополнить запасы дров, сам же иду проверять наших лошадей.

Наконец всё улажено, мои люди сыты и согреты, укладываются спать в натопленных комнатах, я же спускаюсь в мужскую купальню, где от лохани с водой поднимается пар, раздеваюсь и иду смыть с себя кровь, грязь и пот сегодняшнего дня.

Опускаюсь в горячую воду и позволяю себе расслабиться, думаю о том, что завтра с утра нужно добраться до деревни, пополнить там запасы, найти лошадей, а после нам предстоит долгий переход до крепости.

«Завтра, это все завтра, а теперь спать», — встаю, вытираюсь, обматываю полотенце вокруг бёдер. Толкаю дверь в раздевальню... и замираю.

Тиана стоит спиной ко мне, расшнуровывая платье. Светлые волосы рассыпались по плечам, пальцы возятся с завязками. Платье соскальзывает с одного плеча, обнажая молочно-белую кожу.

Мужская плоть тут же восстаёт, а дракон издаёт рык.

Половица скрипит, Тиана оборачивается. Её взгляд скользит по моему торсу, по полотенцу на бёдрах, а щёки заливают румянец. Она запахивает расшнурованное платье на груди.

— Лорд Десмонд! Что вы...

Дракон воспринимает хрипотцу в её голосе как призыв, рычит ещё громче, а я ведомый им, делаю шаг к ней, ещё один, быстро сокращаю дистанцию между нами. Чувствую желание зверя присвоить, сделать своей, он отчаянно желает эту самку, пусть она не драконица и не истинная. Лекарка отступает, упирается спиной в стену.

— Что, опять ошиблась дверью? — спрашиваю, глядя ей в глаза. — Или решила скрасить моё одиночество?

— Я всего лишь пришла помыться... это... — она смотрит мне в глаза, и я чувствую, как между нами трещит воздух и что-то неосоздаемое, похожее на влечение.

Упираюсь ладонью в стену рядом с её головой. Наклоняюсь ближе:

— Я умею быть нежным, Тиана...

Вижу, как расширяются её зрачки — нормальная реакция на сильного дракона... Но потом в её глазах вспыхивает знакомый огонь.

— Вы путаете меня с непотребными девицами, с которыми привыкли иметь дело, — говорит она нежным, медовым голосом, — или же вам невдомёк, что не все женщины сходят по вам с ума, лорд Десмонд?

И она так вызывающе улыбается, что огонь желания пробегает у меня по позвоночнику. «Ах ты лукавка!» — чувствую, как распяляет меня этот неожиданный отпор и не лезу за ответом в карман:

— Может, всё потому, что ты так и крутишься передо мной? — усмехаюсь я. — То без корсета в лазарете, теперь ещё и полуголая...

— Мы не переходили на «ты»! — она дерзко усмехается. — И не перейдём! К вашему сведению, лорд-дракон, я на работе интрижек не завожу!

Приподнимаю бровь:

— Значит, всё-таки где-то вы их заводите?

— Не ваше дело, самовлюблённый нахал! — и она с достоинством разворачивается и идёт к выходу.

— Женская купальня напротив! — бросаю ей вслед.

— Благодарю, — холодно отвечает она и даже не оборачивается. И даже не хлопает дверью.

«Да, самообладания госпоже Стокс не занимать!» — стою и улыбаюсь, как дурак, потом качаю головой и начинаю одеваться.

«Самовлюблённый нахал», — повторяю её слова. Усмехаюсь, чувствуя себя необычайно живым, как будто эта словесная дуэль напомнила мне, что я вообще-то живой дракон, разбудила во мне мужчину, которому наконец-то интересна не только его служба, но и женщина.

«Не завожу интрижек на работе», — припоминаю я, — Это прозвучало странно, ведь более чем уверен, что служба лекаркой при моём гарнизоне — первая в жизни этой молодой женщины. Может быть, оговорила...»

Заканчиваю одеваться и поднимаюсь по скрипящей на все лады лестнице в свою комнату, ложусь в кровать и думаю: «Вот мы и встретились в четвёртый раз, и это тоже было весьма необычно, Тиана. Что же будет дальше? В любом случае, ты теперь под моей защитой, чувствую, дракон этого желает, равно как и человек».

Глаза закрываются, и я проваливаюсь в глубокий сон.

Мои дорогие! Приглашаю в свою огненную новинку

Хозяйка Драконьей долины (18+)

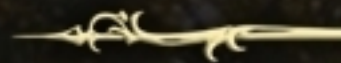
<https://litnet.com/shrt/s7zp>

Муж-дракон годами пьет из жены силу?

Любовница насмехается а свекровь называет пустышкой?

Попаданка такого не потерпит!

Новую жизнь проживем хорошо и всем воздадим по заслугам!

ПОПАДА
МУЖА, К

НО ГОТ
ТОМУ,
СОБСТВ

Читаем, влюбляемся и летаем на драконах.
Здесь: <https://litnet.com/shrt/8NuK>

Глава 11. Жизнь в гарнизоне

Тиана

Утро начинается как обычно: подъём с рассветом, сытный завтрак в солдатской столовой, после обход раненых. Когда все осмотрены, я иду в лекарскую кладовую, где, как сказала бы главбух нашей больницы, дотошная Ирина Степановна, дебет с кредитом не сходятся. Ведь за две недели, что я пребываю в Северной стреле свести баланс медикаментов у меня не получается. Вот и сегодня так же, в очередной раз пересчитываю запасы самых нужных расходников. Но, сколько не считай, цифры не сходятся.

«Настойка чейрин-травы — по документам двадцать флаконов, по факту — одиннадцать, — ставлю галочку во вчерашних подсчётах, — спирт медицинский — по документам три бочонка, по факту — один с четвертью. Бинты зачарованные — по документам пятьдесят локтей, по факту...» — вздыхаю и откладываю зачарованное перо.

По факту — двадцать три локтя, и то половина с пятнами, будто кто-то использовал их, а потом засунул обратно на полку. Сколько не пересчитывай, на лицо недостача, причём весьма серьёзная.

А я ведь в глаза не видела предыдущего лекаря и даже дел у предшественника не принимала, хотя со стороны некоего господина Дортена было бы не лишним ввести меня в курс дел. Но это мне, как понимаю, не светит, к предшественнику, который, как сказал Ирвин, «не справлялся со своими обязанностями», и так куча вопросов. Кстати, то, что он не справлялся, заметила сразу же, ещё до того, как заглянула в документы: как можно врачу работать в такой антисанитарии! Да у меня добрых три дня ушло на наведение порядка: отмывание стола, кипячение банок-склянок, а уж в каком состоянии была ступка для измельчения сухих трав! Сложилось впечатление, что её использовали, чтобы варить местный аналог глинтвейна, иначе происхождение винных пятен на ней я объяснить не могу.

Винные пятна обнаружили не только на ступке, столе, стекле мензурок, ими же пестрят и документы. Возможно, именно эти пятна и есть подлинная причина того, что лекарь Дортен не справлялся со своими обязанностями. Судя по расплывчатым корявым записям, мужчина был не в состоянии удержать в руках даже зачарованное перо, о каком порядке в записях вообще может идти речь!

«Безобразие, это ж надо было превратить в свинарник обитель лекаря!» — смотрю на отдраенные полки, на которых теперь в идеальном порядке разложены медикаменты, аккуратными рядами стоят закупоренные бутылки со спиртом, отмытые склянки и кастрюльки для составления отваров, а сверкающие чистые ступки я развесила по размеру на стене. У меня всё будет в порядке, и документы тоже!

Теперь предстоит разобраться с документами, потому что после трёх тщательных инвентаризаций, картина ясна: на бумаге медикаментов значительно больше, чем на полках. И если после первой проверки я списывала всё на хаос переходного периода, думала, мало ли, вдруг я чего-то не нашла, не увидела, то после того как перерыла всё что можно было, уверена, что мой предшественник... подворовывал.

«Либо был бездарным счетоводом, — думаю я, собирая документы в папку, — либо есть какие-то акты списания, которые хранятся у начальства... Об этом было бы неплохо расспросить лорда Десмонда. Нужно проверить всё, прежде чем обвинять коллегу. Хотя... учитывая стоимость зачарованных бинтов и настоек на спирту... я бы допустила, что Дортен мог. В любом случае разговор с драконом неизбежен».

При мысли об Эйроне я невольно улыбаюсь, но тут же одёргиваю себя.

За эти две недели лорд-дракон Десмонд оказался... вполне себе нормальным мужчиной. После того инцидента в купальне на постоялом дворе он ни разу не позволил себе вольностей

или намёков, и между нами установились сугубо рабочие отношения. Когда хранитель крепости приходит в лазарет проведать раненых, то относится ко мне с подчеркнутым уважением. Кажется, после того как на прошлой неделе до крепости еле доковылял раненый разведчик, которого я зашила, а после несколько дней отпаивала отваром из собственноручно собранных трав, Эйрон убедился, что я самая настоящая лекарка, а не шарлатанка. Обычно молчаливый и суровый дракон даже коротко кивнул после моего доклада о здоровье пациента и сказал: «Хорошая работа, госпожа Стокс». Этот его кивок и сдержанная похвала и установили окончательное перемирие между нами и положили конец лукавым взглядам и подначкам. Мне это, конечно нравится, но...

«Нет, — обрываю себя. — Не надо думать о своём начальнике в каком-то другом разрезе. Это непрофессионально, работа прежде всего, а дракон — твой командир, ты — его подчинённая. Держи дистанцию, как должно, помни правило о том, что на работе никаких интрижек, пусть ты уже и свободная женщина! Соблюдай субординацию, Наташа!»

Но память услужливо подкидывает ту ночь на постоялом дворе. Как я, уставшая до полусмерти, зашла не в ту дверь, как обернулась и увидела его, мокрого, полуголового, с капельками воды на широкой груди и полотенцем на бёдрах.

Эйрон, конечно тоже повёл себя как... наверное, как дракон. Мгновенно оказался подле меня, навис надо мной, упёрся ладонью в стену рядом с моей головой и сказал соблазнительным бархатным голосом: «Я умею быть нежным, Тиана...»

Щёки заливает жаром. Впрочем, не только щёки, низ живота тоже.

«Хватит! — мысленно отчитываю себя. — Тебе не двадцать, Наталья Сергеевна. Тебе почти пятьдесят, даже если тело говорит обратное. Ты идёшь на доклад к наглому дракону, к лорду-хранителю крепости. К своему, чёрт возьми, боссу!»

Беру исписанные пергаменты и выхожу из лазарета, иду по Северной стреле, суровой, вытесанной из серого камня, с узкими бойницами и вечными ветрами. Здесь нет изящных башенок и цветных витражей, как в столичных замках, нет картин и гобеленов, только камень, сталь и суровые люди, готовые защищать империю.

За две недели я изучила крепость вдоль и поперёк, знаю, где казармы, где оружейная, где кухня. Выучила, что по утрам повар Гранна печёт восхитительные булки, которые будто пропитаны мёдом, а по вечерам старый сержант Бром травит байки у очага в общей зале. Ещё знаю, что кабинет Эйрона находится на втором этаже главной башни и что он встаёт раньше всех и ложится позже всех, почти как я...

Поднимаюсь по винтовой лестнице, стучу в тяжёлую дубовую дверь.

— Войдите.

Эйрон сидит за массивным столом, заваленным бумагами. Волосы собраны в хвост, на плечах тёмный добротный плащ, как у всех. Никаких кружевных жабо и золотых перстней на всех пальцах сразу, как у Персиваля, только необходимое: шерстяная рубаха, воинский нагрудник, тёплый плащ.

При виде меня он откладывает перо:

— Госпожа Стокс, приветствую. Что-то случилось?

— Милорд, — киваю я, стараясь говорить по-деловому. — Я закончила полную инвентаризацию лекарской кладовой. Боюсь, новости неутешительные.

Кладу папку на стол, раскрываю на нужной странице:

— Вот ведомость, которую вёл господин Дортен. А вот, — неловко переступаю с ноги на ногу, — мой подсчёт фактических запасов. Я пересчитала несколько раз, проверила и перепроверила, но, как видите, расхождения существенные.

Эйрон просматривает документы, брови сдвигаются к переносице.

— Настойка чейрин-травы — не хватает девять флаконов. Спирт, зачарованные бинты...

гхм.

— Минус двадцать семь локтей, — подсказываю я. — И это только то, что я смогла проверить. Часть записей лекаря Дортена вообще невозможно разобрать.

— Очень интересно, — голос Эйрона становится холодным. — Неужто господин Дортен нечист на руку? Мало того что выпивоха, так ещё и вор...

— Может, произошло какое-то недоразумение? — осторожно спрашиваю я. — Может, где-то есть ещё какие-то бумаги? Дополнительные записи, акты списания?

— Никаких актов нет, всё, что было, хранилось в лекарской. Стало быть, вот чем промышлял наш лекарь. А я-то доверился его рекомендациям... Поделом, буду осторожнее в следующий раз, нечего доверять пропойцам.

— Может... я что-то не так...

— Нет, вы-то как раз всё так, — улыбается Эйрон, — вам можно доверять, Тиана, уж я вижу. А с Дорте́ном надо разобраться, — и припечатывает ладонью по столу. — Спасибо, что доложили, госпожа Стокс. Я приму меры.

От того, каким тоном это сказано, по спине пробегает холодок, чувствуется, что меры в отношении проворовавшегося коллеги будут самыми жёсткими.

— Мне нужна ваша подпись, — протягиваю ему отдельный лист. — Хотелось бы, чтобы в документах был порядок. Ирвин присутствовал при пересчёте и уже подписал. Считаю, что всё должно быть честно, и если вдруг что-то всплывёт потом, то буду знать, что это уже моя ошибка.

Эйрон смотрит на меня, улыбается ещё шире, и в тёмных глазах мелькает что-то похожее на одобрение.

— Разумно, — берёт перо, ставит размашистую подпись. — Вы удивительно... предусмотрительны, госпожа Стокс.

— Просто люблю порядок, — пожимаю плечами.

Забираю подписанный документ, собираюсь уходить. Слышу, как со двора доносится шум: конское ржание, скрип телег, голоса.

— Никак обоз с новобранцами, — Эйрон встаёт из-за стола. — Пойдёмте, госпожа Стокс, вам нужно будет их осмотреть.

Спускаемся во двор, где царит суета: солдаты разгружают телеги, сержанты строят прибывших в шеренгу. Человек тридцать, в основном молодые парни, но есть и постарше.

— Осмотрите их, как полагается, — говорит Эйрон. — Проверьте, нет ли больных, раненых, заразных. Доложите мне лично. В прошлом году двое было с чумной хворью, принесли заразу в крепость.

— Слушаюсь, милорд.

Он отходит в сторону, о чём-то говорит с Ирвином, а я начинаю осмотр. Проверяю глаза, горло, кожу на предмет сыпи. Спрашиваю о жалобах, о старых травмах.

И вдруг замечаю знакомое лицо. Худой, жилистый, парень с отметинами оспин на лице и с настороженными, недоверчивыми глазами человека, привыкшего выживать.

Я знаю этого парня, точнее, Тиана знала.

Память услужливо подсказывает: Рик из Бедного квартала в Антасе. Его как-то пырнули ножом, и рана загноилась. Он пришёл в тот закуток, где Тиана тайком от мужа принимала бедняков, и попросил помощи, потому что денег на нормального лекаря у него не было, а бесплатные лазареты не для отребья. В них если и примут, то потом заведут дело, бесед с ищейками не избежать.

«Если ты из Бедного квартала, то последнее, что нужно, чтобы на глазах у всех к тебе подошёл ищейка», — бледными дрожащими губами едва мог вымолвить тогда Рик. Тиана вычистила рану, наложила швы, дала заживляющую мазь, конечно же, совершенно бесплатно.

— Госпожа... — он узнаёт меня, глаза расширяются. — Госпожа Тиана?

— Рик, — киваю я, стараясь говорить тихо. — Как твоя рана? Шов не беспокоит в непогоду?

— Нет, госпожа, зажило как на собаке, — он всё ещё смотрит на меня с изумлением. — А вы... вы, что тут делаете, в гарнизоне?

— Работаю, — улыбаюсь. — Теперь я здешняя лекарка.

— Ох ты ж... — он качает головой. — Вот уж не думал вас тут встретить. А я вот, записался в армию. Думаю, лучше за империю драться, чем в Бедном квартале сдохнуть от ножа или болезни.

— Правильно думаешь, — говорю я. — Рада тебя видеть, Рик, если что, приходи в лазарет, помогу чем смогу!

— Да вы уж как мне помогли! Токма благодаря вам выжил! Век не забуду! — и он сжимает мою руку.

— Не стоит, — улыбаюсь я, тронутая самой обыкновенной человеческой благодарностью. Он кивает, отходит к остальным новобранцам.

А я чувствую взгляд, тяжёлый, пристальный. Оборачиваюсь и понимаю, что это смотрит Эйрон. Дракон стоит у коновязи, проверяет седло на своём вороном коне и смотрит на меня так, будто уличил в чём-то непотребном. Замечаю, как он переводит взгляд на Рика, и чёрные густые брови сходятся у переносицы.

«Ты что, следишь за мной, дракон? — думаю я с раздражением. — Ещё и напридумывал себе чего поди, вон как смотришь, того и гляди дырку в платье прожжёшь!»

Мы встречаемся взглядами, золото вспыхивает в его глазах, а может, мне и кажется: всё происходит быстро. Мужчина кажется раздосадованным, коротко кивает и торопливо садится на коня, пришпоривает его и через минуту уже оказывается у ворот, видимо, поехал в деревню по каким-то своим делам.

«Доложите мне лично, как же!» — качаю головой и возвращаюсь к осмотру.

Заканчиваю, делаю пометки в журнале: у Ройтана Паркса из Синих Далей старый неправильно сросшийся перелом, Седрику Ваннесу дала отвар и поместила в отдельную комнату: у него все признаки простуды, нужно понаблюдать. Остальные здоровы, насколько можно быть здоровым после долгой дороги.

Уже собираюсь вернуться в лазарет — и тут слышу:

— Госпожа лекарка! Госпожа лекарка!

У ворот стоит девчушка лет девяти, раскрасневшаяся, в простом деревенском платье и сбившемся платке. Глаза испуганные, на щеках слёзы.

— Госпожа лекарка, помогите! — она хватает меня за руку. — Роды! Ох какие тяжёлые роды у дочери старосты! Повитуха говорит, что помрёт ребёнок, не так, мол, лежит, а мать кровью истекает!

Сердце ухает вниз.

— Сколько времени роды идут? — спрашиваю резко.

— С ночи, госпожа! Уже полдня мучается!

«Полдня с неправильным предлежанием. Кровотечение, наверняка маловодие... очень плохо».

Не раздумываю ни секунды:

— Я сейчас.

Бегу к конюшне, на ходу кричу конюху:

— Коня мне, быстро! Хорошего, крепкого!

Через минуту я уже в седле, и хоть чувствую себя в нём по-прежнему не очень уверенно, но тело Тианы помнит, как ездить на лошади даже и без седла, спасибо деревенскому детству. Сумка болтается через плечо, по старой привычке всегда ношу с собой самое необходимое.

— Садись! — кричу девчонке. — Будешь дорогу показывать, сама я не помню!

Она мигом, проворно, словно обезьянка, взбирается на лошадь, садится впереди, и мы мчим к воротам, а потом — по широкой дороге, прочь от крепости.

«Только бы успеть, — думаю я, пришпоривая коня. — Только бы успеть».

Глава 12. Стычка

Тиана

Долгие, тяжёлые роды закончились. Милена, так зовут дочь старосты, родила девочку, здоровую, крепкую. «И с хорошим звонким криком», — улыбаюсь я, делая глоток травяного отвара.

Всё обошлось, мать жива, хоть и измотана до предела, а я сижу и чувствую, как дрожат руки, не от холода — от усталости, от отпустившего напряжения, в котором я пребывала всё время, пока длились роды. Странно было принимать роды в деревенской избе, где нет ни аппарата КТ, ни стерильности. Ещё более странно — поворачивать ребёнка, вливая золотую магию в каждое движение. И уж совсем необъяснимо то, что во мне включилось какое-то новое чутье, почти зрение, и я в некоторые моменты просто видела дитя, хоть оно, точнее она, ещё и была в утробе матери. Потом было обильное кровотечение, которое я остановила с помощью трав, умелых рук и магии, на разрывы наложила швы, обезболила всё живой мазью.

Незримая новая сила помогала мне, придавала уверенности, я... как будто стала лучше управлять ею, даже научилась делать поток чуть слабее, не лить водопадом, а отдавать чуть экономнее.

И всё же, несмотря на старания, чувствую себя опустошённой, уставшей и очень хочу лечь и просто полежать, но я не в гарнизоне, до крепости ещё нужно добратся.

— Госпожа лекарка, — староста, грузный мужчина с седой бородой, кланяется мне чуть ли не в пояс. — Благодарствуем! Уж мы на всё готовы были, так перепугались за дочку. Первородка она, да и одна у нас, сами понимаете...

— Понимаю, — киваю устало. — Всё хорошо, теперь нужно просто следить, если поднимется жар — давать травы, которые оставила вам, да следить, чтобы она отдыхала, кормите хорошо, питьём тёплым поите. Через пару дней приеду, швы посмотрю.

— Как скажете, госпожа, как скажете! — он суетится, машет рукой жене. — Верна, собери госпоже лекарке гостинцев! Меха у нас какие есть шикарные, как раз вам на плащ, и вино наше, ягодное, на всю округу известное!

— Не нужно, — качаю головой. — Мне пора в крепость. Я отлучилась без спроса, наверняка искать будут.

— Ох, госпожа, мы вас проводим! Сейчас кликну мужиков, подождите, пока покушайте!

— Нет, — встаю, накидываю плащ. — Поеду, ждать не буду. Дорогу я в этот раз запомнила.

Уже у двери оборачиваюсь:

— А как вы прознали про меня? Я в Зелёном холме только раз была, на ярмарке, никого толком не знаю.

Староста улыбается:

— Так то вояки ваши в таверне трепались! Мол, какая лекарка у них теперь, чудеса творит, не чета прежнему Дортену-пропойце. Историю рассказывали, как вы бедолаге из новеньких рану зашивали прямо в поле, под дождём, и он выжил, ходит уже, и нога не загноилась. Самые настоящие чудеса!

— Понятно, — киваю. — Ещё увидимся, поеду я.

«Самые настоящие чудеса, — думаю я, поправляя плащ. — По-другому золотой свет из под пальцев я назвать не могу. Впрочем, его вижу только я... но вот уже и слухи о чудесах ходят».

Сажусь на коня и выезжаю из деревни.

На небе горит огнём алый закат, красивый и тревожный. Солнце садится за горы, окрашивая облака во все оттенки от красного до багряно-золотого. Дорога пустынна, только ветер шумит в придорожных кустах.

«Красиво тут, — думаю я, пуская коня рысью. — И воздух какой чистый, и тишина умиротворяет».

Но благостное ощущение спокойствия резко проходит: за спиной стучат копыта, всё ближе и ближе. На душе становится тревожно. Оборачиваюсь, вижу всадника, который быстро меня нагоняет. Мужчина, грузный, в потрёпанном плаще с одутловатым лицом и красным носом, тяжело дышит, и на лицо явные признаки сердечной недостаточности и чрезмерного употребления алкоголя. От толстяка так и веет чем-то дурным и опасным, чутье подсказывает, что с таким лучше не связываться.

— Стой! — орёт он, подъезжая ближе. — Стой, тварь!

Запах перегара бьёт в нос, едва он оказывается ближе, и мне отчего-то кажется, что я знаю, кто этот человек.

«Наверняка это Дортен, бывший лекар Северной стрелы. Тот самый пьяница и вор, которого я невольно разоблачила своей инвентаризацией, — думаю я, пока он подъезжает всё ближе. — Больше некому, врагов у меня здесь нет, только с ним и возможен конфликт интересов».

— Стерва! — и он звучно сдабривает и без того неслестное слово красочным эпитетом. — Оклеветала меня перед лордом Десмондом! А он и уши развесил, немудрено: ты вон какая тоненькая да хорошенькая! Небось по знакомству взяли? Наверняка подстилка драконья! Куда тебе людей лечить!

Лошадь шарахается, в душе вскипает гнев.

— Вы что себе позволяете?! — возмущаюсь я, натягивая поводья. — Я ни на кого не клеветала, а просто пересчитала запасы!

— Пересчитала она! — пропойца звучно сплёвывает. — Из-за тебя меня выгнали без выходного пособия! Без гроша оставили!

— Может, не стоило воровать и пьянствовать на рабочем месте? — не выдерживаю я. — Я едва лекарскую отмыла после вас! В хлеву и то чище, чем было в кабинете лекаря! А записи... да это вообще позор!

— Поговори мне ещё!

Он так близко, что может дотянуться, чем внезапно и пользуется, потому что слова свои этот самый Дортен подкрепляет сильным тычком в плечо. Я вскрикиваю, едва удерживаюсь в седле, конь подо мной тихонько ржёт и нервно переступает, чувствуя мой страх.

«Надо уезжать, — прикидываю свои возможности. — Он пьян и агрессивен. Это опасно и до добра не доведёт».

Пришпориваю коня, пытаюсь объехать Дортена, но он преграждает мне путь.

— Куда собралась? — хватает поводья грубиян и ухмыляется, и от этого глумливого оскала меня передёргивает. — Разговор у нас долгий будет. Заодно покажешь свои прелести... Погляжу, чего это дракон какой-то заезжей фифе поверил, а старому гарнизонному лекарю от ворот поворот, да ещё с каким позором! — снова тянется ко мне, а я понимаю, что не успею увернуться.

«Надо было подождать сопровождение», — думаю тоскливо. — Всё забываешь, Наташа, что не в своём времени, тут человеческая жизнь — расходник, как мои лекарские бинты...»

— Не троньте! — вскрикиваю я, когда он прикасается ко мне своими липкими руками.

— Драконья шлюха! — с удовольствием произносит отвратительный человек и вздрагивает, потому что где-то совсем рядом громко стучат копыта, так, словно всадник мчится во весь опор. Мгновение, и из-за поворота вылетает вороной конь, а на нём — Эйрон.

«Слава богу! — облегчённо выдыхаю я. — Рядом с драконом мне бояться нечего».

— Как ты её назвал? Ах ты мерзкий вор и пьяница!

Всё происходит в считанные секунды: Эйрон сталкивает Дортена с седла, прыгает с коня, хватая мужчину за шиворот, тот пытается сопротивляться, но куда ему против разъярённого дракона.

Кажется, Эйрон в таком гневе, что сейчас переломает краснолицему толстяку кости.

— Не надо! Он явно пьян и не в себе! — заступаюсь я.

Эйрон смотрит на меня, и гнев в его глазах медленно гаснет, сменяется золотыми искрами.

— Вы правы, госпожа Стокс, об такого только руки замараешь. Отвезём его в гарнизон, пусть посидит в каменном мешке, протрезвеет, а потом отправится под трибунал за воровство и покушение на жизнь гарнизонной лекарки.

— Но я не покушал...

— Закрой рот! — в голосе Эйрона клокочет ярость. — Я прекрасно слышал, как ты обозвал леди Тиану, и прекрасно понял, что ты собирался с ней делать. Ничего не скажешь, достойный мужчины поступок — подловить незащищенную женщину в безлюдном месте и угрожать! Да суд самое меньшее, что ты заслужил...

Дракон говорит спокойно, но глаза... глаза его опасно мерцают, и мне отчего-то кажется, что он на грани.

— Я...

— Видно, не понял... — лорд Десмонд быстро связывает Дортена, затыкает ему рот какой-то тряпкой и перекидывает через седло лошади, как мешок с мукой. После, влезает в седло и поворачивается ко мне. — У вас, я смотрю, талант — ходить одной и оказываться не в тех местах.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он не даёт мне вставить слово:

— Почему вы не в крепости, госпожа Стокс?

— Я принимала роды, — тихо говорю я. — У дочери старосты в Зелёном холме.

— Ушли из крепости без спроса? — он вздыхает. — Где ваша дисциплина, Тиана?

— Я спасала жизнь! И не одну, а целых две...

— Ну да, я вижу, — Эйрон кивает на связанного и наконец-то безмолвного Дортена. — А потом я спасал вашу...

Мне нечего на это ответить, и я молчу, чувствуя себя нашкодившей девчонкой.

— Вы не ранены? — вдруг спрашивает суровый лорд, в его тоне слышится что-то похожее на беспокойство и... заботу.

Не успеваю ответить, как он подъезжает ближе и кладёт руку мне на плечо. Просто проверяет, цела ли я, ничего больше. Но от этого невинного прикосновения по телу пробегает волна жара, словно дракон каким-то образом воспламенил меня, даже не коснувшись кожи.

Поднимаю глаза — и встречаюсь с ним взглядом. Как зачарованная смотрю в расплавленное, живое золото, которым горят тёмные прежде глаза. Мужчина смотрит на меня так, будто видит впервые и чему-то удивлён. Кажется, что он, как и я, не может оторвать взгляда, и внутри него бушует тот же самый жар, что и во мне.

Чувствую, что бесславно капитулирую перед ним, потому что не могу отвести взгляд, не могу пошевелиться и отстраниться, более того... хочется стать ближе, почувствовать тепло его тела подле моего, прикосновения кажется ничтожно мало.

Между нами что-то трещит, искрит, натягивается, как струна, а рука на моем плече обжигает сладкой истомой, а когда пальцы чуть сжимаются по позвоночнику пробегает самый настоящий разряд.

«Тебе не двадцать», — пытаюсь увещевать себя.

«Ну и пусть... — шепчет сердце... — Какая разница...»

Эйрон наклоняется ближе, а может, это я тянусь к нему? Не знаю... Знаю только, что расстояние между нами сокращается, и мне до головокружения хочется почувствовать его губы на своих и кольцо крепких рук вокруг себя...

12. Продолжение

Ещё немного...

Лошадь подо мной нервно переступает, я вздрагиваю и едва удерживаюсь в седле. Хватаюсь за поводья, выпрямляюсь, отвожу взгляд. Момент упущен, здравомыслие аплодирует, несмотря на смутную досаду от того, что что-то упустила.

Эйрон отстраняется, убирает руку. Его лицо снова становится непроницаемой маской командира.

А я... чувствую, как внутри бушует настоящая огненная лавина. Щёки горят, сердце колотится где-то в горле, а в животе порхают мириады бабочек.

«Что это было? — думаю я, не в силах унять дрожь. — Что со мной такое? Почему меня так тянет к нему?»

Мы молча едем к крепости. Закат догорает, небо темнеет, Дортен болтается за седлом Эйрона, а я обдумываю слова лорда. Понимаю, что в целом он прав, но ещё понимаю, что поступила правильно и спасла две жизни.

— Как... как вы оказались на дороге так вовремя? — всё же не могу удержаться от вопроса.

— Я поехал и разыскал господина Дортена, конечно же, ублюдок был в таверне и изрядно пьян, несмотря на обеденное время.

— Даже я поняла, что он любит выпить, — хмыкаю я, — в жизни столько винных пятен не видела, как в лекарском кабинете...

— Я потребовал, чтобы он завтра же явился в гарнизон и объяснил недостающие медикаменты, пригрозил, что иначе оставлю его без выходного пособия.

— О, это я слышала, — усмехаюсь и невольно думаю, что люди во всех мирах одинаковы и везде найдутся нечистые на руку работники.

— Во время разговора я обратил внимание на новые сапоги и тугой кошелёк нашего лекаря. Припомнил, что совсем недавно слышал про новые настойки, что делает некий господин Мервейд, и решил проверить свои догадки. Прямиком из тав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.